

МИЛА БАЧУРОВА

ДЕТИ ДОБРОТЫ.

16+

Мила Бачурова

Дети Доброты

Серия «Заложники солнца», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68448380

SelfPub; 2022

Аннотация

После долгой разлуки и тяжёлых испытаний герои наконец встретились и возвращаются домой. Казалось бы, помешать не должно ничего. Кроме недавних врагов, которым неожиданно требуется помощь. Шаман пленён. Серый, Эри и Джек вынуждены вернуться в обезглавленный поселок, который после череды странных событий вдруг ополчается против своих спасителей. В мире, где день и ночь поменялись местами, сколько ещё зла сотворят те, кто называют себя детьми Матери Доброты? И сумеют ли противостоять им те, кому Доброта неведома?

Содержание

Глава 1. Серый	4
Глава 2. Серый	19
Глава 3. Эри	31
Серый	38
Глава 4. Серый	47
Глава 5. Кирилл	62
Глава 6. Кирилл	76
Глава 7. Кирилл	91
Глава 8. Кирилл	104
Глава 9. Серый	113
Глава 10. Серый	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Мила Бачурова

Дети Доброты

Глава 1. Серый

Серый застыл, не добежав до Джека нескольких шагов. Увидел, как тот брезгливо оттолкнул от себя тело, одетое в защитный комбинезон.

Тело упало на бок. Из груди торчал нож. Вокруг рукояти быстро разрасталось кровавое пятно.

– Чего всполошился? – Джек, выпрямившись, спокойно смотрел на Серого. – Иди в лагерь, я тут сам приберусь.

– Это... – Серый сглотнул. Оглядел примятую траву, отброшенный в сторону плащ, в который обычно кутался Шаман. Снова уставился на труп. – Кто это? Что случилось?

– Подруга Шаманская, – объяснил Джек.

– Ангелина?! – ахнул Серый.

– Угу. Пришла за ним, нарвалась на меня. Обмишулилась маленько. Бывает.

– Ты... её убил?

– Я?! – возмутился Джек. – Да надо больно. Сама, дура, на нож напоролась.

Серый почувствовал, что краснеет. Неуверенно предположил:

– Нужно, наверное, отца разбудить?

– Нахрена? Чтобы ещё и он не выспался? Шагай отсюда, говорю. Велено тебе лагерь охранять – вот и охраняй. Я тоже скоро приду. – Джек присел над трупом.

Перевернул тело Ангелины сначала на живот, потом на спину, осматривая. Пробормотал:

– А комбез-то хороший. Дырку залечить, и нормально будет.

Распустил завязки капюшона и расстегнул на комбинезоне молнию.

Голова Ангелины запрокинулась на бок. Серый вздрогнул – показалось, что мёртвые глаза уставились прямо на него.

– Иди, – покосившись на Серого, с нажимом повторил Джек.

– Я тебе помогу, – стараясь не смотреть на Ангелину, пробормотал Серый, – её же похоронить надо.

– Ещё чего, – буркнул Джек. – Много чести.

Его руки ловко освобождали мёртвую женщину от комбинезона. Несколько движений – и Ангелина осталась в полотняной сорочке, похожей на ту, в которую Ариадна одевала Эри после ледяного купания, и в таких же полотняных шароварах.

Смотреть на оголившиеся бёдра женщины и на то, как пропитанная кровью тонкая ткань сорочки облепила её грудь, как разметались по сухой траве длинные волосы, было почему-то до ужаса неловко, Серый с трудом удержался от

того, чтобы отвернуться.

А Джек вертел Ангелину в руках, словно куклу. На то, как она выглядит, ему было явно наплевать. Всё, что беспокоило – сохранность комбинезона. Его он снял, встряхнул и отложил в сторону.

Встал и ухватил Ангелину за руки. Повторил Серому:

– Вали в лагерь, кому сказал!

– А... с ней что? – Серый смотрел на Ангелину.

– В лес сволоку да брошу, чего с ней ещё-то? Шакальё, небось, и здесь водится. Быстро приберут.

– Так нельзя, – вырвалось у Серого.

Джек покачал головой:

– Нельзя сейчас – силы тратить на то, чтобы эту мразь закапывать. – Повторил с нажимом: – Иди, пацан. Это не твоя война. У нас тут свои счёты.

Прозвучало так жёстко, что послушаться Серый не посмел. Ушёл в лагерь.

Джек появился через полчаса. Подмышкой он нёс свёрнутый шаманский плащ, снятый с Ангелины комбинезон и свою майку. С комбинезона и майки капала вода – замыл кровь в ручье, понял Серый. Он заметил, что и волосы у Джека мокрые.

– Умылся заодно, – пояснил Джек. Разложил комбинезон и майку на траве позади палатки, которую делил с отцом и Шаманом. Откинул полог, принялся разуваться. Позвал: –

Серый!

Серый поднял вопросительный взгляд.

– Язык за зубами держи, – приказал Джек.

И нырнул в палатку, Серый даже ответить не успел.

Через минуту до него донёсся спокойный, размеренный храп – Джек уснул. А скоро Серый услышал визгливый лай – шакалы здесь действительно водились. Судя по тональности лая, они делили добычу. Чтобы не думать о том, что сейчас происходит в лесу, Серый попытался мысленно восстановить события – что же произошло.

Он дежурил. Не спал и даже не дремал, это точно. Смотрел на затухающие угли костра и представлял, как они наконец-то вернутся домой. Как обрадуются мать, Лара, Сталкер – да все в посёлке! Их ведь, небось, похоронили уже. А Джек, пока Серый мечтал, ухитрился выбраться из палатки, проскользнуть мимо него, и, прихватив с собой шаманский плащ, вернуться на могилу Олеси.

То, что Серый ухода Джека не заметил – штука, конечно, обидная, но объяснимая. От того, что Джека ранили, лучшим в Цепи разведчиком он быть не перестал. Но вот, для чего Джек пошёл на могилу? И зачем взял с собой плащ? Серый-то вострепнулся, только услышав вопль Ангелины, и то сначала решил, что показалось. До могилы далеко, с полкилометра, он даже не сразу сообразил, откуда кричат, в какую сторону бежать. Подбегая, издали разглядел две схватившиеся не на жизнь, а на смерть фигуры – тёмную Дже-

ка и серебристую Ангелины. Комбинезон Серый издали не опознал, удивился ещё – что за человек, почему так странно одет? В Цепи комбезы сейчас только старики надевали, и то редко. А когда Серый прибежал, всё уже было кончено. Ангелина лежала на земле с ножом в груди.

Нда. Вопросов много, ответов – ни единого. И вряд ли они, кстати, появятся. Серый отлично знал, что молчать о том, о чём не хочет говорить, Джек умеет не хуже Сталкера. От того, что один угрюмо мычит, а второй болтает без умолку, результат не меняется. Джек либо отделается шутками-прибаутками, либо так заморочит голову, что забудешь, о чём спрашивал.

Серый долго колебался, рассказывать ли о случившемся Мраку, но в итоге, когда тот вылез из палатки на смену, припомнил Джеково «держи язык за зубами» и говорить ничего не стал. А поднявшись вечером, заметил, что комбинезона за палаткой уже нет.

– Ты сказал отцу? – Серый едва дождался своей очереди вести Джека.

Шёл тот сегодня увереннее, чем вчера, однако невооружённым взглядом было видно, что до выздоровления ещё далеко.

Джек округлил глаза:

– Что сказал?

– Не прикидывайся! Ты понял.

Вопреки опасениям Серого, выкручиваться дальше Джек не стал.

– Нет, – не глядя на Серого, отрезал он.

– Почему?

– А зачем?

– Н-ну... – Серый замялся. – Отец же – командир. Он про всё должен знать.

– Командир должен знать об опасности, – холодно сказал Джек. – А опасность шакалы по кустам растащили. И на хрена вот я буду бункерному мозги крутить? А то у него других забот мало.

– Мне кажется, всё равно надо сказать, – уже не так уверенно пробормотал Серый.

– Перекрестись, если кажется, – посоветовал Джек. – Умешь, или научить?

– Да ну тебя. – Серый вздохнул.

Впереди колонны шли Кирилл и Шаман. За ними Серый вёл раненного Джека, замыкали колонну Мрак и Эри. Время от времени до Серого доносились обрывки разговора – отец пытался беседовать с Шаманом. Тот отвечал нехотя, односложно.

– Я не знаю, как доказать тебе, что мы не враги, – донеслись до Серого усталые слова отца. – Мы не претендуем на ваши земли. У нас достаточно сил и рабочих рук для того, чтобы самим восстановить хозяйство – в тех местах, где никто не живёт. И надеюсь, что рано или поздно ты это пой-

мёшь.

– Вы несёте зло, – угрюмо отозвался Шаман.

– Какое зло? Кому мы его причинили? Назови хоть одного человека! А твои люди убивали моих. Ты запугал людей байками о том, что мы будем воровать детей, и один из них зарезал Лёху. Ты испортил переправу над пропастью, и там погиб Эрик. Олеся... – отец не договорил.

– Ты убьёшь меня? – спросил Шаман.

Отец горько усмехнулся:

– А тебя только это интересует?

– Ты должен меня отпустить. Без меня в посёлках начнутся раздор и хаос.

– Ничего, у тебя талантливая сообщница. Переживут как-нибудь.

При этих словах отца у Серого ёкнуло сердце. Он покоился на Джека. Тот, будто и не слышал – продолжал шагать с прежним безмятежным видом.

Ну, может... Может, и хорошо, что отец ничего не знает, – попробовал успокоить себя Серый. Если бы знал, разговаривать с Шаманом ему бы сейчас пришлось по-другому.

Но кошки на душе всё-таки скребли. Серый дал себе слово, что найдёт способ заставить Джека рассказать отцу правду.

После привала Серого рядом с Джеком сменил Мрак. Теперь Серый шёл замыкающим, а перед ним шагала Эри.

После того, как обрела отца, девчонку будто подменили.

И держалась увереннее, и шагала бодрее, и на каждом привале лезла помогать. А останавливаться приходилось часто – Кирилл, хоть и не раненный, уставал не меньше Джека, слишком уж был истощён.

Эри на привалах крутилась рядом. На усталость на жаловалась, бегала и за водой, и за растопкой для костра, и даже за тем, как отец меняет Джеку повязку, следила без содроганий.

Серый догнал девчонку, тихонько окликнул.

Эри оглянулась:

– Чего?

– Спросить хотел. Ты Шамана слышишь? Ну, что там у него на уме?

– Ты же мне запретил слушать, – фыркнула Эри.

– А ты прям прогнулась, ага, – кивнул Серый. – Так слышишь, или нет?

Эри поморщилась. Неохотно проговорила:

– Там... неприятно.

– В смысле?

– Шаман чего-то боится. И тоскует.

– Со страху, что ли? – не понял Серый. – Тоскует-то?

– Нет. Он без этой своей жуткой тётки тоскует. Если бы не боялся, что хуже будет, давно сбежал бы. И вообще... Чушь, конечно, но мне сегодня показалось – Шаман думает, что Ангелина умерла.

Серый вздрогнул.

– Ты чего? – удивилась Эри.

– Ничего. Зябко. – Серый повёл плечами и застегнул куртку.

– Ты не заболел? – встревожилась Эри. – Даже мне не холодно!

– Нормально. Видать, с недосыпу кроет... Пройдёт.

Эри заговорила дальше, но Серый уже не слушал. Он вдруг понял, почему Джек не стал ничего рассказывать отцу.

Если Шаман узнает, что Ангелины больше нет – а он узнает, отец притворяться не умеет, – дальше с ними не пойдёт. Серый вдруг ясно, будто кино показали, увидел эту сцену: как Шаман садится на землю и воет, проклиная чужаков.

Что-то он, судя по словам Эри, чувствует, но уверенности у Шамана пока нет. А вот если эта уверенность появится... да ещё выяснится, что Ангелину убил Джек... тогда они однозначно останутся без проводника. Казалось, бы чёрт с этим, дорогу найдут. Но какой будет эта дорога, даже думать не хочется.

Отец потерял троих из пяти человек, входивших в отряд. Серого с Мраком пытались отравить. Эри едва не утонула подо льдом. А Шаман – это, как ни крути, гарантия спокойного возвращения домой. Значит, Джек поступил правильно, что умолчал об убийстве Ангелины?.. Серый почувствовал, что голова у него пухнет. До сих пор казалось – найдёт отца, и тут же всё станет простым и ясным, как было раньше! А вот хрен там плавал. Теперь всё только хуже запуталось.

И молчать – вроде неправильно, и сказать нельзя.

Так, то набираясь решимости подойти к Джеку и заставить признаться, то в последний момент передумывая, Серый мучился трое суток. А на четвёртые сутки их догнали.

Усталый отряд добрался до одного из покинутых жителями посёлка у дороги. Потихоньку обустроивались в доме, который ещё издали присмотрели для днёвки, когда с улицы вдруг засвистел Мрак – он остался снаружи, дежурить.

«Опасность!»

Отец и Джек синхронно схватились за оружие. Серый успел раньше них, выскочил из дома:

– Что?

– Гости, – сказал Мрак. Он всматривался в темноту.

Темнота уже расступалась, ещё час – и рассвет. Шли бы одни, могли бы и дальше шагать, но Эри и Шамана приходилось беречь от солнца.

Серый тоже присмотрелся. И увидел, что на дороге клубится пыль.

– Конные?

– Ага. Трое.

– Что там? – на крыльцо выскочили отец с Джеком. Из-за плеча Джека выглядывала Эри.

– Гости, – повторил Мрак.

– Может, мимо? – предположил Серый. – Мало ли, куда скачут.

– Хотелось бы, конечно, верить, – пробормотал отец. – Но, как показала практика, оптимистичные сценарии в здешних местах не работают... Так. Джек, свяжи Шамана – бережёного бог бережёт. Эри, слушай его! Если почувствуешь, что пытается на кого-то воздействовать, блокируй. Серый, Мрак – бегом на ту сторону дороги. Найдите, где спрятаться. Действовать по обстановке, без команды не высовываться!

– Есть. – Серый и Мрак перебежали дорогу, притаились в заросшем палисаднике.

Всадники скоро приблизились. У первых домов посёлка замедлились, перешли на шаг. Ехали, осматриваясь по сторонам.

– Ищут, – шепнул Серый Мраку.

Тот кивнул.

– Нас?

Мрак пожал плечами. И тут же один из всадников осторожно окликнул:

– Шаман! Ты здесь?

Голос показался Серому знакомым. А в следующую секунду он узнал обладателя голоса. Того, кто бросается на тебя с намерением убить голыми руками, захочешь – не забудешь.

Георгий. Тот мужик, который возглавлял отряд Шамана, когда их пытались перехватить на дороге. И двух других всадников Серый узнал – старые знакомые, Ариадна и Висарион.

Серый переглянулся с Мраком. По глазам друга понял, что не ошибся. А Георгий снова, уже громче, окликнул:

– Шаман!

Оклик прозвучал странно. Зло и в то же время жалобно – как будто Георгий заблудился в лесу. Так давно, что уже отчаялся звать на помощь.

– Шаман!!!

– Он здесь. – Отец вышел на крыльцо. Серый заметил, что руку держит на кобуре. – Чего ты кричишь? Зачем вы нас догнали?

Георгий осадил и развернул коня. Потребовал:

– Верните нам Шамана!

– Нет. Не вернём. Всё?

– Ты негодяй! – выпалил Георгий. – Я убью тебя!

– Кобылой затопчешь? – с ухмылкой предположил Джек, он вышел вслед за отцом. – Ну давай, попробуй.

Они стояли под навесом крыльца. Лошадь, на которой сидел Георгий, под низкий навес не забралась бы при всём желании. Георгий, должно быть, тоже это понял. Он спешил. Повторил:

– Верните Шамана!

– Ты глухой, или в детстве башкой об пол роняли? – заинтересовался Джек. – Русским языком тебе сказали: не вернём, самим нужен. Он у нас заместо завхоза. Кашу варит, носки стирает...

Георгий, набычившись, пошёл на него.

– Георгий, стой! – с коня спрыгнул Виссарион, схватил мужчину за рукав. И быстро, глядя на Кирилла, заговорил: – У нас пропала мать Ангелина. Люди сходят с ума. Мы не знаем, что делать.

– Куда вашим людям дальше-то сходить, – проворчал Джек, – и без того кукуха набекрень...

– погоди, – поморщился отец. Обращаясь к Виссариону, потребовал: – Поясни. Что происходит? Что значит «сходят с ума»?

– Мать Доброты отвернулась от нас! – с истеричной ноткой выкрикнула Ариадна. – Это вы её прогневили!

– Во нормально, – хмыкнул Джек. – Прогневили, значит, мы, а отвернулась от вас?

Ариадна соскочила с седла – кажется, собираясь выцарапать Джеку глаза. Георгий подобрался и сжал кулаки.

– А ну, успокойтесь! – прикрикнул отец. – Если хотите, чтобы мы выслушали – замрите на месте, оба! А ты, пацан, слезь с коня. Подойди сюда. – Он безошибочно определил среди троих единственного, кто не задыхался от ненависти.

Виссарион спешился и подошёл.

– Итак, – приказал Кирилл. – Ещё раз. Только внятно, без истерики – что происходит?

– Мать Ангелина пропала, – повторил Виссарион.

– Когда?

– Четыре ночи назад. Едва успела прийти в себя, ещё в лечебнице была – и пропала. Мать Серафима говорит, что

отошла ненадолго, лекарство приготовить, вернулась – а матери Ангелины нет. Сначала они с матерью Марией решили, что мать Ангелина ушла в горы молиться, такое и раньше бывало. Но прошла ночь, потом другая, а мать Ангелина не возвращалась.

– И до сих пор её нет? – уточнил отец.

Виссарион помотал головой.

– Так. Ну, допустим. А с людьми-то что?

– От нас отвернулась... – снова начала Ариадна.

– Тихо! – оборвал отец. – Рот откроешь, когда разрешу. – И, Виссариону: – Продолжай.

– Люди... – запнулся парень. – Они стали... злые.

Отец нахмурился:

– То есть?

– Ну... Они спорят. Ругаются. Раньше всегда Шаман и мать Ангелина говорили, кому какую работу делать. А когда попробовал распорядиться Георгий, то одна женщина не захотела идти на прополку на дальний участок и сказала, что пусть идёт другая. А другая сказала, что не пойдёт, раз Георгий велел той. И женщины начали кричать друг на друга, очень громко, и ногами топать. А потом двое мужчин не смогли поделить улов после рыбалки, и один, отбирая рыбу, ударил другого. И тот его в ответ ударил! И опять!

– Это называется «драка», – хмуро подсказал отец.

Виссарион понуро кивнул:

– Георгий и другие мужчины насилу их остановили. А ещё

один мужчина сказал, что не пойдёт заготавливать дрова для дома Шамана – раз у нас больше нет ни Шамана, ни матери Ангелины. Сказал, что матери Марии с матерью Серафимой и тех дров, что есть, за глаза хватит. А когда Георгий попробовал его заставить, бросил топор и ушёл.

– Люди перестали петь молитвы, – горько сказал Георгий. – Вчера утром на площадь пришло чуть больше половины народа. А днём... случилось страшное. Один человек напал на женщину. Разорвал на ней одежду. А потом... – он запнулся.

– Ясно, – всё больше хмурясь, сказал Кирилл. – Дальше?

– Ну... Этот человек напугался того, что натворил, и сбежал из посёлка. Он пока не вернулся. Но мы боимся, что это только начало! У людей помутился разум. Чем дальше, тем всё более страшные вещи они творят. Мать Серафима и мать Мария наказали догнать вас. Верните нам Шамана!

Глава 2. Серый

Отец молчал. Да Серый и сам офигел – слишком уж не вязался облик кротких, благонравных жителей шаманского посёлка с тем, что рассказывали Виссарион и Георгий.

А вот Джек не удивился. С нехорошей усмешкой покивал:

– Ну да, так оно и бывает. Если лупить-лупить, а потом с цепи спустить.

– О чём ты? – не понял отец.

– Видал когда-нибудь, как цепные псы с привязи срываются? – вопросом на вопрос отозвался Джек. – Нет?.. А мне вот по детству доводилось, еле ноги унёс. Шаман с его бабой народ в посёлке – считай, как собак, на цепи держали. Чуть что – сапогом в зубы, а то Мать Доброты прогневается. И, когда надо, она в натуре гневалась – вот люди и сидели тише, чем мышь под веником. Пикнуть не то, чтобы боялись – знать не знали, что вообще можно. С одной стороны. А с другой – вроде и не нужно. На кого рыпаться-то, когда все вокруг – добрые до усрачки? Уступают, помогают, слова поперёк не скажут. И с чего, спрашивается, при такой жизни волну гнать? А теперь нету той цепи. Вот они с резьбы и полетали.

Отец нахмурился:

– Ты хочешь сказать, что постулаты Матери Доброты в посёлке соблюдались по принуждению? Обычной пропаганды

было недостаточно, и Шаман с Ангелиной прибегали к собственным методам внушения?

– Я хочу сказать, что не бывает таких людей, чтоб круглые сутки, с ночи до утра, жизни радовались, – проворчал Джек. – Какой бы человек хороший ни был – вот, хоть тебя, блаженного, взять, – а бывают моменты, что бесишься. А этим хоть ссы в глаза – всё божья роса! Утрутся и спасибо скажут. Почему и говорю, хрень это. Наведённое оно, ихнее добро.

Отец молчал, барабанил пальцами по кобуре. И решил:

– Приведи-ка сюда Шамана. Стоять! – рявкнул бросившемуся было к крыльцу Георгию.

Тот, ворча, остановился. Джек неодобрительно покачал головой, но спорить не стал. Скрылся в доме.

Через минуту вывел на крыльцо Шамана – со связанными за спиной руками.

– Что вы с ним сделали?! – ахнула Ариадна.

– Примерно то же, что он делал с вами на протяжении тридцати лет, – бросил отец. – Шаман! Не говори, что ничего не слышал. Мы верно догадались, что доброта твоих людей – результат воздействия на их мозг?

– Мира и добра тебе, Георгий, – будто не слыша отца, проговорил Шаман. – Мира и добра, дети.

Георгий, Ариадна и Виссарион нестройно отозвались.

– Нет слов, чтобы передать, как мне жаль вас и всех, кто остался в посёлке, – продолжил Шаман, – как я тревожусь за

мать Ангелину. Без неё и меня вы растерялись, как теряются малые ребяташки, оставшись одни.

– Растерялись, значит, – хмыкнул Джек. – Морды друг другу бить и баб насиловать – это они от растерянности. А как ты вернёшься, сразу найдутся. Так?

Шаман проигнорировал и Джека.

– Я сумею вернуть в посёлок мир и благополучие, – всё тем же мягким, обволакивающим голосом продолжил он. – Вам ведь уже сейчас стало спокойнее. Правда?

– Да!

– Правда!

– Верни нам свою мудрость, Шаман!

Серому показалось, что догнавшая их троица не опускается на колени лишь потому, что стесняется присутствия чужаков.

– Джек? – спросил Кирилл. Наверное, подумал так же.

Джек мотнул головой – кажется, с недоумением:

– Нет. Ничего не слышу.

– Ты напрасно подозреваешь меня в том, чего я не делаю, – скорбно сказал Шаман Кириллу. – Люди привыкли ко мне, любят меня. Им становится спокойнее от одного лишь моего присутствия. Но ты отнял у них даже эту малость! Люди напуганы, растеряны, из-за паники творят безумства. И ты ещё говоришь, что не причинял нам зла?!

Лицо Кирилла хранило каменное выражение, но Серый понял, что он колеблется. И есть от чего. Если в посёлке, враз

лишившемся обоих управляющих, уже сейчас такое творится, так оно чем дальше, тем хуже будет. Того гляди, вовсе друг друга перебьют. А отец, получается, крайний – Шамана-то он увёл. И что теперь делать, спрашивается?

– Собаки без хозяев тоже воют, – бросил Джек.

Отец вопросительно посмотрел на него.

– Да жил в Ногинске дядька один, – объяснил Джек, – а у того – псина. Брехливая, бестолковая, но преданная – страсть. Так вот, когда тот дядька помер, она жрать перестала, и даже воду пить. Круглые сутки лежала да выла, а потом подохла. Не смогла без хозяина.

– Собака – животное, – сказал отец. – Животными движут инстинкты. А перед нами люди.

– Да какие они люди? Ты глянь на них – кабы могли, уже бы пятки своему уродцу лизали.

– Как ты смеешь?! – взвился Георгий.

– Оставь его, Георгий, – мягко проговорил Шаман. – В душе у этого человека – тьма. Ему неведома Доброта. Не дано понять, сколь велика моя любовь к вам и ваше уважение ко мне.

– Ну-ну, – сказал Джек. Уселся на перила, выдернул зубами из портсигара сигарету.

– Пусть они тебя отпустят, – угрюмо пробухтел Георгий. Шаман понурил голову:

– Увы. Я стар и немощен. Они умеют сражаться, а мы с вами никогда не держали в руках оружия. Победить их нам не

удастся. Всё, на что можем уповать – милосердие их командира. – Шаман повернулся к отцу. Проникновенно заговорил: – Я плохо знаю тебя, но чувствую, что в душе ты не злой человек. Тебе приходится принимать жестокие решения вопреки велению сердца. Ты ведь не хочешь меня удерживать! Тебе жаль людей, которые, оставшись без пригляда, сходят с ума. Тебе стыдно за то, что ты натворил... Прошу – послушай голос своей души, а не разума. Поступи не как надменный воин, но как добрый человек и мудрый правитель.

Серый поймал себя на том, что уже и сам готов поддерживать Шамана. Ну, для чего он им сдался, в конце-то концов – несчастный кривоногий карлик? Сюда без него дошли, а уж обратно и подавно дойдут. А тем, в посёлке, небось, и в самом деле лихо – того гляди разбредутся по всему югу, буд-то стадо без пастуха. Они-то ни в чём не виноваты!

– А ты молодец, – глядя на Шамана, задумчиво обронил Кирилл. – Даже я твоими сказками заслушался, хотя по вашей с Ангелиной воле собственными руками Олеську заколол. А уж для неокрепшего мозга твои песни – должно быть, вовсе ракетный удар.

«О чём это он? – обалдело подумал Серый. – Какой ещё удар, что он несёт?»

А отец продолжил – уже другим, «командирским», тоном: – Ладно. В целом, картина ясна. Твои люди остались без разума – что ж, мы вернём им разум. Это действительно будет справедливо.

Георгий встрепенулся. Шаман колыхнул капюшоном. Серый увидел, как в глазах у Ариадны и Виссариона вспыхнула надежда.

– Серый, Мрак, – скомандовал отец. – Выходите.

Серый с Мраком переглянулись и, перемахнув остатки заборчика, отгораживающего палисадник, синхронно выпрыгнули на дорогу. Серый с удовольствием любовался на то, как догнавшая их троица шарахнулась от неожиданности.

– В общем, так, – сказал отец. – Оставлять посёлок безнадзорным – действительно не дело. Но о возвращении туда Шамана речи быть не может. Люди, его молитвами, уже обезумели, а дальше будет только хуже... Поэтому в посёлок вернётся Джек.

– Что-о?! – ахнул Георгий.

Ариадна взвизгнула:

– Нет!

А Джек, кажется, не удивился. Спокойно кивнул:

– Могу, чё. – Подмигнул Георгию: – И то сказать – чем я не Шаман? Колпак надвину, песни выучу – эх, заживём! Помирать не надо будет.

Георгий остолбенел молчал. А отец закончил:

– С Джеком пойдут Серый и Эри. А вы отдадите нам лошадей – это поможет мне, Шаману и Мраку быстрее добраться до дома. Через четыре, максимум – пять месяцев, сюда придёт наш передовой отряд. Надеюсь, за это время мозги у людей встанут на место. Обещаю, что Шамана мы не убьём.

И это будет гарантией того, что вы не тронете Джека и ребят. Они помогут вам навести порядок, а после нашего возвращения уйдут. Обещаю.

Ответом было гробовое молчание – слов не нашлось ни у кого.

Джек затянулся в последний раз, выдохнул дым и прицельным щелчком отправил окурочок в кусты. Посмотрел на небо. Сказал, ни к кому не обращаясь:

– Светает, однако... Вот вам первый голос разума: лошадей привяжите, да топайте приют себе искать. Один хрен сегодня никуда не поедете, а в этот дом мы вас не пустим. Не люблю, когда меня во сне задушить пытаются.

Задавать отцу вопросы в присутствии Шамана и чужаков Серый не решился, с крыльца разошлись молча. Мрак и подавно ни слова не обронил – хотя Серый понял, что обалдел от распоряжения отца не меньше него. Дабы сохранить лицо, все дружно сделали вид, что всё идёт, как задумано. И лишь убедившись, что Георгий, Ариадна и Виссарион обосновались в доме неподалёку с явным намерением не высовываться до вечера, а утомлённый ночным переходом Шаман затих в дальней комнате, Серый решился заговорить.

– Пап. Ты нам ничего сказать не хочешь?

Эри и Мрак замерли, Джек невозмутимо продолжил разматывать бинты на боку.

– Хочу, – кивнул отец. – Сейчас Джеку повязку поменяю,

отойдём туда, где ушей лишних нет, и поговорим.

Через полчаса отряд вышел в пристроенный к дому двор – помещение без окон, хозяева когда-то держали здесь скотину.

Темнота сменилась полусветом – сквозь щели в прохудившейся крыше пробивались тонкие лучи солнца. В ярких, узких полосах плясали пылинки. У дальней стены помещения стояла узкая лавка, на неё и присели.

– Итак, – сказал отец. – Ситуация следующая – Жека, по праву, если ошибаюсь. За тридцать лет люди Шамана подсади на присутствие его и Ангелины мощнее, чем Дикие на наркоту. И теперь, без Шамана, у них началась ломка. Разум, привыкший к тотальному контролю – то есть, к тому, что его постоянно поглаживают, поддерживают и направляют, – вдруг утратил опору. Наружу вырываются доселе подавляемые эмоции и желания. Необъяснимая тревога переходит в агрессию. Растерянность сменяется вспышками бунтарства, а вспышки – страхом ответственности, неумением отвечать за свои поступки. Вскипает и выходит на поверхность всё то, что Шаман нежно и с любовью подавлял в людях тридцать лет. Зависть, злость, желание самоутвердиться... У нас так дуреют подростки в период пубертата – но рядом с нашими детьми всегда есть взрослые люди, готовые помочь.

– По шее двинуть, – хмыкнул Джек.

Кирилл серьёзно кивнул:

– В том числе. Ты, возможно, удивишься, но в обозначен-

ной ситуации физическое воздействие – одна из форм оказания помощи. А у людей Шамана таких «взрослых» рядом больше нет. Люди не понимают, что с ними. Боятся того, что происходит, и на пике своих страхов творят новую дичь. А учитывая тот факт, что физически они – реально взрослые, то есть сильные, телесно здоровые люди, бед могут натворить немало. А в бедах обвинят – как вы думаете, кого?

– Кого? – удивилась Эри.

– Нас, – буркнул Мрак. – Кого ж ещё.

– Почему нас?

– Дак, потому что пока у них Шаман был, всё нормально было, – объяснил очевидное Серый. – Ну, то есть, они считают, что нормально – не в курсе же, что им тридцать лет мозги сношали. А пропал Шаман, муйня началась. А Шамана увёл – кто?

– Мы, – ахнула Эри.

– Во-во, – кивнул Серый. – О чём и речь.

Джек невесело усмехнулся:

– Погодите ещё, это пока цветочки. А вот когда они не только драться да к бабам приставать, а ещё и бухать научатся – вот тогда пойдёт жара! Если уж на трезвяк так отжигают, спьяну вовсе беспределить начнут. И, что характерно, тоже скажут, будто мы крайние. При Шамане не бухали же!

Кирилл кивнул:

– Вот именно. Поэтому ты вернёшься в посёлок и проследишь за тем, чтобы мозги у людей встали на место.

Джек гыгыкнул:

– Самому-то не смешно? Меня, и главным по порядку? Это ж сказать кому, не поверят.

Кирилл развёл руками:

– Позволить Шаману вернуться мы не можем. Но и бросать людей в таком положении нельзя. Косвенно в их вмешательстве и впрямь виноваты мы, и наш долг – попытаться исправить ситуацию. Шаман – эмпат, вы с Эри – тоже. Надеюсь, у вас получится как-то повлиять на людей. А если не получится, если поймёшь, что от вашего вмешательства становится хуже, немедленно уходите. Скрыться ты сумеешь, тут уж не мне тебя учить... Жека, – Кирилл вздохнул. – Я понимаю, что ты устал. Измождён не меньше, чем я. Ты ранен. Но...

– Да я что, хоть слово вякнул? – обиделся Джек. – Наоборот, считаю – всё ты правильно разругил. И шкура подживёт, и у вас под ногами мешаться не буду. А то, что ранен – хреново, конечно, ну так оно ж не навсегда.

– Вот поэтому я отправляю с тобой Серого, – сказал Кирилл. Посмотрел на сына. Виновато пообещал: – Мы будем очень спешить. Но, сам знаешь, путь предстоит неблизкий.

– А Мрак сильнее меня, и толку от него в дороге больше, – сообразил Серый. – Понял, чё. Не маленький.

И всё же кошки на сердце заскребли – от того, что отец, едва успев встретиться с ним после такой разлуки, снова уходит. Потому что должен.

Вот, всю дорогу он так – всем кругом должен! Дома так было, а теперь уже каким-то левым мужикам, которые его чуть не убили, задолжал. Всем должен – кроме Серого. Ну, и оттого, что выбрал Мрака, а не его, тоже было грустно.

Умом Серый понимал, что отец поступает правильно, что не может иначе. Что пользы от Мрака – действительно больше. Но дурацкая детская обида всё равно лезла.

– Эри – менталист, куда более сильный, чем Джек и Шаман, – по-прежнему виновато объяснил отец. – Возможно, самый сильный из всех существующих. Но физически – Эри слабая, мало приспособленная к жизни вне Бункера девочка. А Джек ранен. И в случае опасности кто-то должен их защитить.

– Это я-то слабая?! – возмутилась Эри. – Да вы знаете, что я два месяца на лыжах с рюкзаком через лес ехала? А потом ещё месяц по горам шла?

– Когда не падала, – фыркнул Серый.

Эри обиженно надула губы. А Кирилл посмотрел на сына. Снова пообещал:

– Мы постараемся вернуться как можно быстрее.

Прозвучало до того виновато, что Серому стало стыдно за свои мысли.

– Да понимаю я всё! – сердито буркнул он. – Можешь не уговаривать. И так знаю, что наизнанку вывернешься, лишь бы поскорее вернуться.

– Я тоже вывернусь, – подал вдруг голос Мрак. И покрас-

нел.

Глава 3. Эри

Спальных мест в доме обнаружилось три. В комнате поменьше легли на кроватях Джек, Кирилл и Шаман, а Серый, Мрак и Эри устроились в другой комнате. Здесь кроватей не было, а старый продавленный диван, при попытке его передвинуть, развалился. Пришлось устраиваться прямо на полу. Застелили свободный от мебели угол собранными по дому одеялами и тряпьем, завернулись в спальники.

Эри думала о том, как они вернутся в посёлок – тот, где Джека и Кирилла держали в плену. Где погибла Олеся.

Эри удивилась, что Джек так легко согласился туда пойти, сама в такое место ни за что бы не вернулась. Хотя, конечно, она – это она. А Джек – боец, сколько уж раз адапти ей объясняли. Он должен делать то, что приказал командир. Командир у него Кирилл – несмотря на то, что Джек и сильнее, и опытнее как боец. И Эри, если хочет остаться с Джеком, к адаптским порядкам тоже нужно привыкнуть... Ничего, справится. Теперь она в этом уверена. Она нашла отца. Всё, чего хотела – это быть рядом с Джеком, для себя твёрдо решила, что в Бункер ни за что не вернётся. Она бы с Джеком и днём не расставалась, но предложение дневать в одной палатке он категорически отверг. Объяснил Эри:

– Тебе всё-таки не пять лет, взрослая уже. Того гляди, жених нарисуетя, а у тебя папашка под боком храпит. Всю ма-

лину обгадит.

Эри, сообразив, о чём он говорит, вспыхнула и больше на своём не настаивала. А сейчас ворочалась на полу с боку на бок.

Ужас, как неудобно! За все три месяца, прошедшие с тех пор, как сбежала из Бункера, спать на нормальной кровати доводилось считанные разы. Последний – в посёлке у людей, пленивших Кирилла и Джека. Хотя и там Эри толком не спала. Только успела задремать, прибежал Серый: «Подъём! На том свете выспишься».

А здесь – пыльно, затхло, да ещё мышами пахнет. Про мышей – это Мрак заметил вскользь, но Эри хватило. Мышей она не боялась, однако о том, что безобидные и даже симпатичные с виду грызуны являются разносчиками целого букета инфекций, помнила. И это безмятежному засыпанию тоже мало способствовало.

Переворачиваясь в очередной раз, Эри заметила, что не спит не только она.

Рассохшиеся щелястые ставни пропускали достаточно света. Лежала Эри, как привыкла в походе, между Серым и Мраком. И сейчас, приподнявшись на локте, на неё смотрел Мрак.

– Ты чего? – удивилась Эри. Шёпотом, адаптская дисциплина приучила к тишине.

Мрак, кажется, смутился. И тоже шёпотом буркнул:

– Ничего. Просто гляжу. Нельзя?

Эри пожала плечами:

– Да можно, пожалуйста. Смотри на здоровье. – Снова легла и закрыла глаза.

Но сон не шёл. На слух Эри не могла определить, улёгся Мрак или нет, а выяснить это так и подмывало. Не выдержав, попробовала посмотреть из-под ресниц. Не сумела, перека- тилась поближе и снова украдкой глянула. Мрак по-прежне- му смотрел на неё.

– Да чего тебе? – Эри, не выдержав, села. – Зачем ты смот- ришь?

В этот раз Мрак не смутился. Глядя на неё, тихонько по- звал:

– Иди сюда.

«Как тогда, в горах», – обожгло Эри. Стало вдруг ужасно жарко. Она застыла на месте, не зная, что ответить. И нужно ли вообще отвечать.

Мрак рассудил по-своему. Так же тихо спросил:

– Не хочешь?

– Я... не знаю, – выдавила Эри.

Мрак грустно усмехнулся.

– Кабы хотела, знала бы... Ладно, всё. Спи, – лёг и отвер- нулся.

«А мы ведь с ним завтра расстанемся, – кольнуло вдруг Эри. – Надолго! Неизвестно, когда вообще увидимся».

Засыпать вот так, не договорив, показалось неправиль- ным.

Эри придвинулась ближе к Мраку. Всмотрелась в суровое лицо с закрытыми глазами. И осторожно погладила парня по щеке.

Мрак открыл глаза. Поймал руку Эри, повернулся к ней. И поцеловал ладонь – раз, другой.

Цепкий взгляд светлых адаптских глаз как будто поймал саму Эри. Пытаешься от него ускользнуть – и не можешь. Эри дёрнулась было – отобрать у Мрака ладонь, но вдруг поняла, что не хочет этого делать.

Взгляд адапта завораживал. От поцелуев по телу разливалось странное чувство, будоражащее и опасно притягательное.

«Так, наверное, мотыльки летят на огонь, – мелькнуло в голове у Эри, – а потом сгорают».

Она подалась к Мраку. Тот порывисто обнял её и поцеловал в губы. Снова, как в прошлый раз, будто током ударило, и Эри поняла, что, оказывается, хотела этого. Ждала, хоть и не догадывалась, чего ждёт.

Всё было так же – и в то же время совсем не так, как тогда. Тогда они с Мраком оба ошалели, словно перебежали пропасть по тонкой проволоке, и сами не поняли, что натворили. А сейчас Мрак целовал Эри так, как принимают к роднику после долгого тяжёлого пути. Понимая, что на всю жизнь не напиться – и не имея сил оторваться от воды.

Эри горячо, неумело отвечала. В какой-то момент вдруг поняла, что два спальника между ними, одежда – всё это

ужасно мешает. Что ей хочется убрать преграды и всем телом прижаться к Мраку. Почувствовать его.

Эри сама не заметила, как выбралась из спальника. Спальник Мрака тоже куда-то делся. Адапт сжимал Эри в объятиях, ладони парня, забравшись под майку, скользили по её спине, животу, груди – и это было безумно приятно, Эри застонала от наслаждения.

– Чш-ш, – оторвавшись от её губ, прошептал на ухо Мрак, – Серого разбудишь.

Эри вспыхнула, дёрнулась, не зная, куда спрятать глаза:

– Извини. Я... Оно само...

– Блин, да знаю, что само! Не стремайся. Кабы в нормальном месте, да не Серый рядом – всю бы тебя зацеловал, ещё бы не так стонала. А здесь раздеваться-то противно – в такой грязи. – Мрак с сожалением одёрнул на Эри футболку. Пояснил: – Не так хочется. Не в этой помойке... У тебя – первый раз же?

Эри, плохо понимая, о чём он говорит, на всякий случай кивнула.

– Вернусь, тогда уж, – прошептал Мрак, – чтобы как у людей всё. – Снова привлёк Эри к себе и крепко прижал. Прошептал на ухо: – Я что сказать-то хотел. Ты – берегись, ладно? Джек с тобой, конечно, Серый – а всё ж таки, и сама тоже... Ладно?

От неуклюжей адаптской заботы у Эри навернулись слёзы.

– Ладно, – прошептала она. – И ты себя береги.

– Да мне-то что будет? Я вон, какой здоровый. А тебя соп-лём перешибёшь. – Мрак улёгся на спину, притянул Эри к себе на плечо, обнял.

Эри устроилась рядом с ним. И подумала вдруг, что всю жизнь могла бы так лежать. Тихонько позвала:

– Мрак.

– У?

– А это вот, что сейчас у нас – любовь, да?

Мрак задумался.

– Да хрен его знает. Нет, по-моему. Любовь – это, вроде, когда женятся.

– А у тебя так было уже?

– Не, – Мрак качнул головой. – Просто девчонки – были. А чтобы, как сейчас – нет.

– Просто девчонки? – не поняла Эри.

Мрак вздохнул.

– Я, по-твоему, до семнадцати лет девственником ходил? Но такого, как с тобой, не было... Вот, если спросишь, как – прибью, – опередил он вопрос Эри. – К Серому приставай, он умный.

– Прямо сейчас приставай? – Эри тихо засмеялась. И почувствовала, что Мрак тоже улыбается.

– Ладно, – снова вздохнул он. – Спать надо.

– Я не хочу!

– Это кажется, что не хочешь. Все устали. Кабы не расхотеться завтра, так я бы к тебе не полез... Ну, ничего. Живы

будем – накувыркаемся ещё. Спи, – Мрак поцеловал Эри в макушку.

«Не буду спать», – пообещала себе Эри.

Прижалась к Мраку крепче. И тут же уснула.

Серый

Сквозь дрему Серый слышал, как Мрак и Эри ворочаются рядом. Слышал вздохи и тихий шёпот. Надо же, а ведь похоже – всерьёз у Мрака это всё... Ладно, его дело. Спать не мешают, и фиг с ними. На то, чтобы в полный рост оттягиваться, вряд ли у них наглости хватит, а остальное можно пережить.

Серый накинул спальник на голову, завернулся поплотнее. И не заметил, как вырубился.

Проснулся от повелительного окрика:

– Подъём!

Открыв глаза, увидел, что Эри спит в объятиях Мрака. Девчонка пробормотала что-то, сладко потянулась.

Мрак, не выпуская её, с вызовом посмотрел на заглянувшего в комнату Кирилла.

– Подъём, – спокойно оглядев их, повторил тот. – Через десять минут – завтрак, – и вышел.

Ели все вместе, Шаман сидел с ними за столом, и завтрак прошёл в молчании.

Георгий появился на пороге, когда отряд уже собрал вещи.

– Мы решили, – объявил он Кириллу. – Твои люди нам не нужны.

Кирилл, кажется, не удивился. Спокойно спросил:

– Кто решил?

– Ну... – Георгий запнулся. – Мы, втроём.

– То есть, ты, шестнадцатилетняя девочка и такой же зелёный пацан? – уточнил Кирилл. – Может, стоит всё-таки с другими людьми посоветоваться? Мне вот почему-то кажется, что мать Серафима и мать Мария против нашего присутствия возражать не станут.

– Я так же сказал, – буркнул Виссарион. – Что лучше уж вы, чем совсем никак. Вас хоть бояться будут.

Ариадна саркастически рассмеялась:

– О, да! Уж они направят непотребства в нужную сторону. Не сомневайся.

– Ты всё-таки феерическая дура, – не выдержала Эри.

Ариадна взвилась:

– Вот! Эта дрянь меня уже оскорбляет! Страшно представить, что будет дальше!

– Слушай-слушай бабу, – с ухмылкой подначил Георгия Джек. – Одна сбежала, ну да не беда – вон, смена подросла. Скоро вместо Ангелины эта соплюха тебя будет за мотню водить.

Георгий налил краской и засопел.

– Решай, – сухо сказал Кирилл. – Только быстро, времени нет. Ну?

Георгий сопел.

Кирилл развёл руками. Наклонился к рюкзаку на полу. Скомандовал:

– Уходим.

Они, один за другим, разобрали рюкзаки и вышли из дома. Спустились с крыльца. Впереди Кирилла шагал понурый Шаман.

– Стойте, – попросил Виссарион. – Пожалуйста!

Отряд остановился.

– Георгий, мы не справимся сами, – умоляюще схватив Георгия за рукав, быстро, горячо заговорил Виссарион. – А у них – оружие, они драться умеют! Дураков быстро успокоят. Мать Серафима разрешила бы им остаться, точно тебе говорю! И мать Мария тоже.

Шаман демонстративно вздохнул и покачал головой.

– Прекрати унижаться! – зашипела на Виссариона Ариадна. – Как тебе не...

– Ладно, – вдруг глухо сказал Георгий. – Ваша взяла.

Шаман застыл. Серый подумал, что под капюшоном его, наверное, перекосило от злости.

А Георгий, не глядя на Шамана, быстро отвязал от ограды коня и подвёл его к Кириллу:

– Забирай.

Прощались недолго.

– Мы вернёмся, – держа коня под уздцы, пообещал Кирилл. – Быстро, как только сможем. Джек?

Джек кивнул – одновременно и прощаясь и, видимо, подтверждая какие-то договорённости:

– Помню. Катитесь уже.

Они пожали друг другу руки. Кирилл повернулся к Серому.

– Счастливо добратся, – сказал Серый. Больше не придумал, что сказать.

Отец обнял его. Тихо проговорил:

– Вот ещё что. Джек старше и опытнее тебя, но он ненавидит тех, кто остался в посёлке. Помни об этом. Джек – боец, он рубит с плеча. Не привык рассуждать. А у тебя, у Эри – своя голова на плечах. Думай. Думай хорошенько, и за себя, и за других! Договорились?

– Угу, – промычал обалдевший Серый.

– Счастливо, – Кирилл хлопнул сына по плечу и полез в седло. Скомандовал: – Марш.

К удивлению Серого, люди Шамана оказались неплохо подготовленными к дальним переходам. И Георгий, и Ариадна с Виссарионом тронулись в пеший путь привычно, да и маршрут им был хорошо знаком.

Джек за прошедшие ночи окреп, помощь Серого ему уже почти не требовалась. Поэтому шли довольно быстро – хотя и не настолько, как хотелось бы Георгию. Тот всю дорогу вздыхал, что верхом – уже ого-го, где бы были. И в первом же обитаемом посёлке обратился к его главе с просьбой одолжить лошадей.

– До дома добратся, – пояснил Георгий. – Торопимся. После-то – вернём, конечно.

Глава посёлка – крепкий, коренастый дядька средних лет – лошадей давать не спешил. Он с интересом разглядывал Серого, Джека и Эри. Правда, напрямую вопрос, кто это, задать не решился. Спросил о другом:

– А правду соседи болтают, что чужаки Шамана увели?

Георгий мрачно засопел. Виссарион опустил голову, Ариадна поджала губы.

– Да кто ж тебе такое наплёл? – возмутился Джек. – Почему это – увели? Шаман сам ушёл.

– Зачем? – мужик аж рот открыл.

– Дак, известно зачем. Херню в массы нести... В смысле, по ушам ездить будет, – пояснил Джек в ответ на изумлённые взгляды главы посёлка и собравшихся вокруг жителей, – про Мать Доброты, там, всякое такое. Я ему русским языком говорил – не ходи, не хрен тебе у нас делать! А он упрямый, паразит. Всё равно попёрся.

– Это правда? – спросил у обалдевшего Георгия глава.

Тот промычал что-то невразумительное.

Джек хлопнул себя в грудь:

– Честное мутантское! Вернётся Шаман – сам спроси.

– А он вернётся?

– Да куда он нафиг денется. Небось, всю жизнь его кормить не нанимались.

– Это... – очнулась Ариадна. – Это... – от возмущения никак не могла подобрать слова.

Джек отстегнул от пояса и протянул ей фляжку:

– Поперхнулась, болезная? На, попей водички, – и повернулся к главе посёлка: – Так что, хозяин? Лошадей-то дашь?

Мужик насупился:

– Нету лишних.

– Дак, лишних ни у кого нету, – понимающе развёл руками Джек. – Нам же не навсегда, через неделю назад пригоним. Да не пустых, а с мешком овса.

– На каждой, – тут же нашёлся хозяин.

Георгий нахмурился:

– Мать Доброты осудит твоё стяжательство, Николай! Помогать ближнему – благое дело и первый долг каждого из нас.

Лицо Николая тут же приобрело каменное выражение. Сейчас соврёт, что лошадей нет, – подумал Серый. Что вот только-только на дальний луг пастись отправили, или ещё чего-нибудь! Дурак, всё-таки, этот Георгий.

– Окей, – сказал Джек. – По мешку, так по мешку. – Вернулся к Эри: – Ты верхом умеешь?

Та отрицательно помотала головой.

– Тогда, значит, лошадок нам нужно пять. А пять по одному мешку – это как раз два мешка получается, – Джек подмигнул Николаю. – Верно считаю, хозяин?

– Три, – не моргнув глазом объявил Николай.

Серый подумал, что они с Джеком друг друга стоят.

– Ну, брат Колян, ты и мёртвого уломаешь, – покачал головой Джек. – Ладно, ни тебе ни мне – два с половиной! По

рукам? – и протянул мужчине руку.

Тот кивнул. Пожал. И напомнил:

– Неделя. Ты пообещал.

– Угу. И звезду с неба впридачу, – подтвердил Джек. – Не будет лошадей – так и быть, забирай только звезду... Шучу! – предостерёг он мгновенно насупившегося Николая. – Охренеть вы тут серьёзные.

– Ты его обманул, – обвиняюще сказал Георгий. – Когда сказал про Шамана.

Лошадей пустили рысью. Эри Джек усадил перед Висарионом, бросив: «Оба тощие, сдюжит жеребец». Серый и Ариадна, на своих лошадях, держались позади. Разговор мужчин, сквозь стук копыт, долетал неясно, но разобрать можно.

– И что предлагаешь? Вернуться, покаяться? – с усмешкой поинтересовался Джек. – Не вопрос. Мне-то похрен, сам понимаешь. Торопиться некуда.

– Ты не должен был лгать! – гнул своё Георгий. – Мать Доброты осуждает ложь.

– Да ты чё? – ахнул Джек. – Ну, я ж не знал, что осуждает. Кабы знал, так не стал бы. Вот, ты, к примеру, знаешь, так ты и не врал. А с меня, дурака дремучего, какой спрос?

Георгий задумался. И решил:

– Всё равно Мать Доброты тебя покарает.

– Ну так, то – меня, – ухмыльнулся Джек. – Ты-то чего

психуешь?

– Наш долг – наставлять непросвещённых, – серьёзно объяснил Георгий. – Нести Доброту Матери в мир, обучать неразумных детей Её!

– Да не вопрос, обучай, – согласился Джек. – На скаку неудобно только. Давай, может, потом? Утром, там, или на недельке... И вообще – может, пусть сперва меня покарает? Я ж не видал пока, что там у Матери Доброты за кары – а она, может, стриптиз показывать начнёт. Тебе оно, понятно – лучше в гроб лечь, а я парень пуганый. И не такое видал, – и, не дождавшись ответа, пустил коня галопом.

Георгий, уставившийся Джеку вслед, выглядел настолько озадаченным, что Серый едва сдержался, чтобы не заржать.

Ариадна это заметила.

– Какой отвратительный человек, – брезгливо проговорила она. – Георгий добр и простодушен, а этот негодяй издевается над ним!

– Джек – издевается? – усмехнулся Серый. – Да это он даже не начал! Так, лёгкая разминка. Привыкай.

Ариадна надменно фыркнула.

Скакали они почти до рассвета, а дневали снова в брошенном посёлке. Ариадна объявила, что спать в одном помещении с мужчинами ей, целомудренной дочери Матери Доброты, не пристало, и ушла в другой дом.

День выдался холодным, полуразвалившаяся печка еле грела. Озябшая Эри залезла в спальник к Серому. Уклады-

ваясь рядом с ней, Серый заметил, что Виссарион наблюдает за ними, открыв рот. Кажется, парень ждал, что в дверях вот-вот появится Мать Доброты, и Серого с Эри в лучшем случае испепелят на месте, Серому дурака аж жалко стало.

А проснулся первым Джек.

– Подъём, Материны детки, – услышал Серый насмешливый оклик. – У вас там сестричка – того.

– Что – того? – не понял Георгий. Потёр заспанное лицо. – О чём ты?

– Да, говорю, красавица ваша пропала. И кобыла соседская вместе с ней. Я так мыслю – к Матери Доброты подались обе. От мужиков подальше, – и Джек подмигнул побледневшему Георгию.

Глава 4. Серый

– Ещё под утро свинтила, – объявил Джек, едва войдя в дом, куда вчера с гордым видом удалилась Ариадна. – До рассвета часа два оставалось, не меньше... Не спала она тут. Подождала, пока мы ставни закроем, кобылу отвязала – и привет Мамаше.

Дежурных на день они не выставляли. Когда заговорили об этом, Георгий удивился и заверил, что опасаться некого. Джек не стал спорить.

«Ну, ещё бы, – мелькнуло тогда в голове у Серого. – Уж Джек точно знает, что одного из двух людей, представлявших реальную опасность, увёл с собой отец, а вторая мертва! От кого тут выставлять караулы? И впрямь, не от кого».

– Почему ты думаешь, что не спала? – спросил Георгий.

– Дак, холодрыга в доме, – объяснил Джек. – Дрова, как взяла у нас, так вон и лежат. – Он кивнул на рассыпавшуюся по полу возле печки охапку. – Этот дом, поди, больше года не топили.

Георгий прошёл в комнату, потрогал печку. С детской обидой в голосе подтвердил:

– Холодная.

– Надо же, – фыркнул Джек.

А Георгий, до сих пор рассеянно оглядывающийся по сторонам, вдруг нахмурился. Обошёл печку. И обескураженно

сказал:

– Тут письмо.

– С того света? – ухмыльнулся Джек.

Но, тем не менее, быстро подошёл к нему. Серый, Эри и Виссарион – следом.

На широком боку печки, когда-то белом и гладком, а теперь пожелтевшем и облупившемся, было написано углем:

«Не ищите меня.

Мой долг – нести людям учение Матери Доброты.

Надеюсь, что рано или поздно вы тоже найдёте в себе силы избавиться от скверны.

Ариадна».

Серый заметил, что у Джека, уставившегося на надпись, шевелятся губы – в посёлках Цепи взрослые читали плохо, по складам. Некоторые вовсе были неграмотны.

Отец не раз вздыхал о том, что школы неплохо бы устраивать не только для детей, но и для их родителей. В этом паства Шамана от жителей Цепи заметно отличалась – Георгий при чтении затруднений явно не испытывал. И Ариадна, зараза такая, в своём послании не сделала ни единой ошибки. Буквы были выведены твёрдым, аккуратным почерком самой прилежной ученицы в классе.

– Учение нести, значит, – дочитав, насмешливо прогово-

рил Джек. – Ну, на чужой-то кобыле – чего бы не нести. Я бы тоже отнёс.

– Она сразу сказала, что не хочет, чтобы вы возвращались с нами, – виновато признался Виссарион. – Наверное, уже тогда решила, что уйдёт.

– Учение Матери – благое дело, – объявил Георгий.

– Ну, так шагай вслед за девкой, – предложил Джек. – На пару больше отнесёте.

Георгий посмотрел с удивлением.

– Я не Посланник Матери Доброты. Как же я понесу знания?

– Блин, точно, – спохватился Джек. – Извини, братан. Я сперва-то не разглядел. Теперь уж вижу, что не Посланник... А куда послать-то надо? А то, может, я сгожусь? Так послать могу – в три ночи не вернёшься.

Виссарион прыснул. Георгий укоризненно посмотрел на него. А Серый, оглядевшись, сдёрнул с заслонки печи висящую на ней, должно быть, ещё со времён до того как всё случилось заскорузлую тряпку и принялся стирать с побелки надпись.

– Зачем стираешь? – спросил Георгий.

– А ты хочешь, чтобы все соседи прознали, что от вас ещё и девка сбежала? – вопросом на вопрос отозвался Джек. – Серый, ты особо-то не надрывайся. Размажь так, чтобы не прочесть – и хорош... Ладно, послания – посланиями, а завтрак сам себя не приготовит. Надо хоть воды вскипятить.

Как раз дрова пригодятся, – Джек сел на корточки и принялся собирать с пола рассыпавшуюся охапку.

А Серый стирал надпись – точнее, развозил по белому боку печки угольную грязь – и думал о том, что за тряпку взялся вовсе не для того, чтобы скрыть от каких-то неведомых соседей, которые в этот дом в ближайшие сто лет вряд ли заглянут, побег Ариадны. Это у Джека паранойя по части замечания следов, Серому такое в голову не пришло. Его просто бесила надменная Ариадна, а оставленная ею напыщенная надпись выбесила ещё больше.

И за Джеково беспомощное шевеление губами вдруг стало обидно. Эта дура вон как гладко пишет, а Джек, как большинство взрослых в Цепи – почти не грамотный. В общем, хорошо, что Ариадна сбежала. А то Серый в конце концов ей бы точно в лоб зарядил, повод бы нашёлся – в этом почему-то не сомневался. Не посмотрел бы, что девчонка.

Больше по пути происшествий не случилось. Отряд скакал всю ночь и за час до рассвета вступил на знакомую ухоженную дорогу, ведущую к посёлку Шамана.

Дорога шла то вверх, то вниз. В очередной верхней точке Джек вдруг придержал коня, всматриваясь в темноту.

Георгий остановился рядом с ним:

– Что там?

– У тебя в посёлке овцы – куриящие? – вопросом на вопрос отозвался Джек.

– Чего? – обалдел Георгий.

– Некурящие, значит? Тогда, братан, так себе новости. Пожар у вас был.

Теперь Серый и сам увидел, что над лежащим внизу, у подножия гор, посёлком Шамана стелется дым. И в воздухе запахло пожарищем, печной дым так не пахнет.

– Мать-Заступница, сохрани! – охнул Георгий. – Скорее! Туда!

И поскакал вперёд.

– От мужик непоседливый, – трогаясь вслед за Георгием, покачал головой Джек. – Русским языком ему сказали: был пожар! Бы-ыл. Потушили уже. Кабы нет, так мы б огонь давно заметили... А он, знай, посайгачил – что твой кобель за сучкой.

Но, тем не менее, скорости Джек прибавил. В посёлок они прискакали, ненамного отстав от Георгия.

И ещё издали слышали заполошные крики.

– Что там?

Серый поднялся в стременах, пытаясь разглядеть, что происходит на дальнем конце посёлка – крики доносились оттуда. За спиной скачущего впереди Джека ничего не видел.

– По воплям – махач, – буднично отозвался Джек. – Спорим, миротворцу нашему первому хлебало обглодают? Если уже не обглодали.

– Ты про Георгия? – ахнул Виссарион.

– Ну, а про кого?

– Ой, поехали быстрее! – взмолился парень. – Пожалуйста!

Джек, впрочем, и сам поскакал быстрее. Разогнал коня по ровной поселковой дороге, перемахнул живую изгородь, отделяющую посёлок от полей, и к месту сражения прибыл первым.

Серый перепрыгнул изгородь вслед за ним и увидел, что в прогнозе Джек не ошибся.

Георгий сидел на земле, держась за лицо. Из разбитого носа текла кровь. «Обглодать хлебало» ему, видимо, действительно успели.

На горизонте густо стелился дым от пожарища – Серый сообразил, что горел то ли сенной сарай, то ли ещё какая-то хозяйственная постройка, это её обугленные останки дымились.

А в десятке метров от живой изгороди образовалась куча-мала из дерущихся тел. В драке принимала участие, навскидку, половина мужского населения посёлка. Вокруг дерущихся топтались мужчины, не охваченные побоищем, и сустились охающие женщины – в одной из них Серый узнал мать Серафиму.

– Душевно у них тут, – оценил Джек, – аж разгонять жалко, – но, тем не менее, соскочил с коня и бросил повод Серафиме: – Подержи, красавица!.. Серый?

Серый кивнул и тоже спешился. Он успел приглядеться к

местным и заметить, что недостаток опыта мужики искупают настойчивостью и спортивным азартом. А азарт в драке последнее дело – если она, конечно, не для удовольствия. Ну, и опыт тоже никто не отменял. Вдвоём с Джеком они принялись расшвыривать дерущихся.

К точным, умелым ударам местные оказались не готовы. Вылетев из эпицентра побоища, повторно в него вступать уже не решались. А самому Серому прилетело всего дважды, да и то по чистой случайности – драться с ним или Джеком всерьёз местные не пытались. Отползали в сторону и обалдело хлопали глазами. Серый успел увериться в том, что расписываемые Георгием и Виссарионом «ужасы» больше напоминают комедию, когда вбитые с детства рефлексy заставили резко отскочить в сторону.

Увидел, от чего отпрыгнул, и похолодел – мимо пронёсся и запнулся о машинально подставленную ногу Серого один из тех мужиков, кого отшвырнул в сторону. Только теперь абориген был вооружён вскинутым над головой топором.

Мужик, из-за подставленной подножки, растянулся на земле, но обронённый им топор подхватил другой. Издал звериный, победный рык – кажется, до него только сейчас дошло, что такую мирную вещь, как топор, можно использовать в качестве оружия.

Соплеменники от мужика брызнули в стороны – будто он стал камнем, брошенным в воду, и по воде разошлись круги. Завизжали женщины.

На месте, не считая Серого, остался только один человек. На чьи бойцовские навыки, судя по происходящему, недавнее ранение не повлияло.

– По дрова собрался, родной? – повернувшись к озверевшему аборигену, спокойно осведомился Джек.

Серый заметил, что к пистолету он даже не прикоснулся – у самого-то рука рефлекторно дёрнулась. Но увидел знак Джека: не лезь, – и руку от оружия убрал.

– Молодец, – продолжил Джек, – дело хорошее! Дрова, они в хозяйстве завсегда нужны. Сходи, родной. Сходи. Природой полюбишься, в речке искупаешься – остынешь заодно... Лес, если чё – там, – и ткнул пальцем себе за спину.

Что именно в словах Джека не понравилось мужику, Серый не понял. Возможно, абориген отреагировал не на них, а на тон – пренебрежительно-насмешливый. Но, как бы там ни было, он снова взревел раненым зверем, ухватил топор наперевес и бросился на Джека.

Тот легко увернулся. Мужик промчался мимо.

«Почему Джек не подставил подножку? – удивился Серый. – Это же самый простой, «детский» приём! Первое, чему учили нас!» Но мешать Джеку не решился. Возглас сдержал.

Вооружённый топором мужик добежал почти до границы круга из обступивших побоище людей.

Те с криками бросились врассыпную, истерически завизжали женщины. Одной женщине – немолодой, тучной – с

трудом удалось увернуться от занесённого топора. Серый бросился к ней – оттолкнул подальше и развернулся, готовый кинуться на озверевшего психа. Но тот ни на толстуху, ни на Серого внимания не обратил. Его интересовал Джек.

Остановившись там, где секунду назад стояли соплеменники, и оглядевшись вокруг безумным взглядом, мужик развернулся. Увидел Джека. Снова взвыл и бросился на него.

В этот раз люди, стоящие у Джека за спиной, отреагировали быстрее. Бросились бежать, едва увидев ошалелый взгляд.

А Джек снова остался на месте. Невозмутимо стоял – до последней секунды. До того мгновения, когда занесённый топор должен был раскроить ему лоб. И в это мгновение неумовимым движением ушёл в сторону. Только что был тут – и вдруг его уже нет.

Толпа ахнула.

Серый услышал, как у него за спиной взвизгнула Эри. Метнулся к ней, схватил за руку и прошипел:

– Заткнись! Он знает, что делает.

Сообразил наконец, что Джек нарочно не трогает сумасшедшего – которого мог бы вырубить одним ударом. То, что происходит – представление, игра на публику. Джек демонстрирует, на что способен. Как и то, что для него это – всего лишь лёгкая разминка.

Только бы рана не открылась! Не зажила ж ещё толком... Нашёл, тоже, время понтоваться.

Озверевший абориген снова пронёсся мимо Джека.

– Не устал? – сочувственно спросил тот.

Мужик, с трудом устоявший на ногах – готовясь к удару, которого не случилось, по инерции пролетел далеко вперёд, – выпрямился. Повернулся к Джеку.

– Отдохнул бы ты уже, – миролюбиво посоветовал тот. – Чай, не пацан, так носиться! Посиди, перекури. Поляну накроём, девчонок позовём... Чем не жизнь?

Чем не понравилась мужику описанная жизнь, Серый так и не узнал. Абориген снова взревел от злости, вскинул над головой топор, как будто собрался разрубить Джека пополам, и ринулся на него.

– Да что ж ты такой нервный? – расстроился Джек. – Утомил, ей-богу, – и вдруг резко, стремительно нырнул под соперника.

Толпа снова ахнула. А Джек схватил мужика за руки, сжимающие топор, и бросил через себя. Абориген исполнил в воздухе эффектный кульбит и шмякнулся на землю, крепко треснувшись затылком.

Джек выпрямился.

Небрежным ударом ноги выбил из рук поверженного врага топор. Наклонился, подобрал. Постучал головой топора о ладонь. И непринуждённо осведомился, оглядывая застывших людей:

– Чей?

Подождал. Не дождавшись ответа, пояснил:

– Не мужик. Топор.

Толпа молчала.

– Ничей? – расстроился Джек. – Пойти, у соседей спросить?

– Наш, – отозвался женский голос.

От толпы отделилась стройная, красивая женщина. Почему-то густо покраснела и поправила косынку на голове.

– Ух ты, – обрадовался Джек. – Здравствуй, красавица! Давненько не видались.

– Мира и добра, – откликнулась женщина. И тут же нахмурилась. – Поклянись, что не обидишь нас!

– Дак, топор-то не спёр, – рассудил Джек. – Наоборот, вернуть хочу. – Подбросил топор, поймал за топорище и подал женщине: – На, держи. И, это. – Он неодобрительно поцокал языком. – Присматривать надо за имуществом! А то, вишь, какая фигня получается. – Пошевелил ногой неподвижное тело берсерка – тот, видимо, от удара о землю вырубился и на внешние раздражители не реагировал.

– Ох, Степан! – спохватилась женщина, – бедненький! – Отмахнулась от Джека и топора: – Потом. Положи куда-нибудь, после отдашь, – и присела на корточки возле поверженного.

Положила пальцы на запястье, шупая пульс. Захлопотала:

– Мать Серафима! Александра! Воды принесите!

– Вот, так всегда, – проворчал Джек, – вот так и совершай подвиги...

Он оглядел толпу – две женщины, призванные той, что присела, бросились к ней, остальные начали собираться вокруг, вытягивая шеи. И вдруг негромко – взрослые в их посёлке не умели кричать, Серый знал, что это из-за сорванных в детстве связок, – но внушительно, приказал:

– А ну, быстро – разойдись.

Толпа застыла.

– Тут и без вас управятся, а делов, небось, дома у всех до фи́га, – примирительно пояснил Джек.

Толпа, помедлив, зашевелилась.

– Вопросы? – осведомился Джек. – Предложения? – Поигрывая топором в руках, шагнул к ближайшему дядьке. Прибавил голосу нажима: – Что непонятно?

– Всё понятно, – пробормотал тот.

– А то, может, повторить? – предложил Джек. И выразительно оглянулся на Степана.

– Нет-нет! Не надо, – дядька нырнул в толпу.

Шевеление ускори́лось. Люди начали расходиться.

– И вот ещё что, – бросил вслед расходящимся Джек. – Запишите где-нибудь, да повторяйте почаще. Кто ещё хоть раз быковать рыпнется, хоть на кого – тому я вот этот самый топор в задницу загоню. Стесняться не буду – разрублю аж по шею, – людоедски улыбнулся и постучал головой топора о ладонь.

Движение толпы ускори́лось. Через минуту возле живой изгороди не осталось никого, кроме отряда чужаков, Георгия

с Виссарионом и смелой женщины.

– Что хоть тут было-то? – Джек уселся на землю неподалёку от хлопчущей над Степаном женщины.

Вытащил сигареты – разжился ими у Мрака, в посёлках Шамана табак не употребляли. Женщина посмотрела неодобрительно, однако делать Джеку замечание не осмелилась. Георгий тоже промолчал – за время, проведённое в пути, к привычкам чужака успел притерпеться.

– Алексей поджёт сухую траву, – сказала женщина.

– Глупец, – ахнул Георгий. – Шаман позволял её поджигать только в определённое время, когда укажет Мать Доброты! И при нём пожаров ни разу не было.

Джек посмотрел на Серого.

– Ветер? – предположил тот. – Отец тоже предсказывать умеет – когда будет дуть, когда нет. И Шаман, наверное, умел, только он на Мать Доброты кивал.

– Алексей потом говорил, что, когда поджигал, ветра не было, – словно извиняясь, пояснила женщина.

– Всё равно не нужно было поджигать, – укоризненно сказал Георгий. – Почему вы с матерью Серафимой не остановили неразумного? Как же так, мать Мария?

Женщина потупилась.

– Мы не знали. Никто не знал, Алексей один ушёл в поле. Решил, что сухая трава мешает расти молодой, и поджёт. Поначалу ветра действительно не было, а потом он вдруг

поднялся. Алексей не успел затоптать огонь. Пламя перекинулось на сенные сараи, – Мария махнула рукой в сторону обугленных останков строений. – Тут уж, конечно, все всполошились. Побежали отливать.

– Вёдрами с реки? – уточнил Джек.

– Зачем вёдрами? – обиделся Георгий. – На полях стоят системы орошения. Мы включили насосы на полную мощь и тушили из шлангов.

– Ого, – не сдержал восхищения Серый.

Знал, что отец о таких системах пока только мечтает.

– Молодцы, – похвалил Джек. – Кабы не шланги, туго бы пришлось. А дальше? Драка-то с чего? Народ понёсся этому утырку мозги вправлять, что ли?

– Не знаю, – сказала Мария, – я не видела, с чего всё началось. Мы с матерью Серафимой оставались на пожарище, когда прибежали дети и сказали, что Алексея бьют. Мы бросились туда и застали драку уже в самом разгаре. Жена Алексея, Ирина, бросилась за него заступаться, кто-то её оттолкнул, сосед Алексея бросился на того, кто оттолкнул Ирину...

– И понеслась душа в рай, – закончил Джек. – Нормально, чё. Не в первый раз ведь уже?

Мария опустила глаза:

– Нет. Но прежде за топоры не хватались.

– То ли ещё будет, – хмыкнул Джек.

Мария замахала на него руками:

– Что ты! Сохрани нас Мать Доброты!

– Угу. Я и смотрю: сегодня до того хранила, аж упарилась.

– Не говори так, – тихо, но твёрдо попросила Мария.

Снова склонилась над Степаном. И вдруг, не поднимая головы, добавила:

– Спасибо, что вернулся.

Глава 5. Кирилл

После того, как отряд внезапно обрёл лошадей, движение ускорилося. Надежду Кирилла Шаман оправдал: он действительно стал пропуском в любой из обитаемых южных посёлков. На Мрака и самого Кирилла жители недоверчиво косились, но тем не менее предоставляли кров, стол и корм для лошадей.

Кирилл догадывался, что сдаваться Шаман не намерен и наверняка попробует воздействовать на людей. Заставит их наброситься на чужаков, отравить, зарезать во сне – в том, что фантазия менталиста работает отлично, у него было время убедиться.

Поэтому ещё перед тем, как войти в первый обитаемый посёлок, Кирилл остановился. Подъехал почти вплотную к Шаману и предупредил:

– Если мне хоть на миг покажется, что ты пытаешься шлифовать людям мозги, я вышибу твои собственные. Нам терять нечего, сам понимаешь.

Шаман не ответил. Только посмотрел угрюмо – видимо, понимал. По крайней мере, никаких попыток воздействия на людей Кирилл не заметил, хотя на всякий случай пресёк и словесное общение.

Коротко объявлял: «Мы прибыли с севера. Шаман идёт с нами. Ему запрещено вступать в разговоры».

Так миновало две недели, а потом они добрались до посёлка, в котором, очевидно, уже прознали, что чужаки везут с собой Шамана. Какими путями пробились к жителям новость, неизвестно. Кирилл думал, что готов ко всему – только не к тому, что случилось в действительности.

В этом посёлке к воротам, встречать чужаков, вышло, похоже, всё население. Главу посёлка, немолодого сухопарого дядьку, тесно обступили женщины. Много, человек тридцать – ещё на подходе Кирилл подумал, что посёлок, должно быть, один из самых крупных на юге.

И, едва кто-то открыл ворота, как женщины на разные голоса принялись причитать.

– Зачем вы забрали Шамана?!

– Куда его ведёте?!

– Мать Доброты, яви свою милость! Останови их!

– Как же мы теперь без детушек?!

Женщины умоляюще протягивали к Шаману руки. Тот скорбно опустил голову.

Тому, как научился за долгие годы отражать настроение одними лишь позами, не показывая закрытое капюшоном лицо, Кирилл был готов аплодировать. В Шамане, безусловно, пропадал великий актёр.

За время пути Кирилл привык к мысли, что численность населения на юге измеряется другими масштабами – не теми, что в Цепи. Дома-то в последние семнадцать лет население прирастало стремительно – переписей, разумеется, ни-

кто не проводил, но глядя на людей в собственном посёлке, Кирилл понимал, что и в других людей стало больше как минимум вдвое. И понимал, что рост будет продолжаться. При том, что их земле – за годы после того как всё случилось задушенной сорняками так, что за каждый квадратный метр приходилось сражаться не на жизнь, а на смерть, отвоёвывая посевы у подступающего леса, а потом спасая от заморозков – прокормить бы тех, что уже есть.

В первую очередь об этом думал Кирилл, уходя с отрядом на юг. Вспомнил вдруг, как заколотилось сердце, когда увидел живые, ничем не укрытые, но при этом не побитые ранним морозом поля.

Да! Он не ошибся. Здесь, на юге, внезапное похолодание не стало приговором. Здесь жизнь по-прежнему бьёт ключом – веник воткни в землю, прорастёт. С учётом того, что и летом тут наверняка уже не так жарко, как было – сюда можно переселять людей...

Та, ранняя эйфория, быстро сменилась разочарованием. Пониманием того, что в этой благодатной земле каждый шаг придётся отвоёвывать с оружием в руках.

Эти земли уже заняты. И тот, кто их занял, сделает всё для того, чтобы не пустить к себе чужаков.

– Вот так, значит, да? – горько пробормотал Кирилл.

Они топтались перед воротами. Кирилл не знал, к кому обращается. И говорил не для того, чтобы его слушали. Просто бормотал. Прорвало.

– Первая итерация – уничтожить всех, кто мешал. Что ж, получилось! В первый год после катастрофы – минус восемьдесят процентов населения земного шара, поздравляю. Вторая итерация – посмотреть на тех, кто выживет после первой. И теперь уже не жалеть даже детей. Дети гибли тысячами – начиная с тех, кто не мог себя защитить по малолетству, и заканчивая теми, кто убивал друг друга в междоусобных стычках. Ещё минус восемьдесят процентов от тех, что остались. Тоже неплохой результат. А теперь нам – тем, кто несмотря ни на что, выжил и снова устремился к тому, чтобы занять собой мир, озвучили новые условия? Так? Для того, чтобы жить, мы снова должны убивать друг друга?! Да хрен ты угадало, мироздание! – Кирилл вдруг понял, что мало того, что бормочет – вскинул над головой кулак. – Мы будем жить так, как мы – понимаешь, *мы*, считаем нужным, – или умрём! Тогда можешь заводить себе новых марионеток. Но по-твоему не будет. Учти.

Женщины замолчали. Смотрели на чужаков с настороженностью и опаской. Ну, ещё бы – такой бред нести, да ещё грозить кулаком небесам... Ну, и ладно. Пусть их думают, что хотят.

Когда Кириллу поневоле пришлось встать во главе адаптского посёлка, бремя, которое приносит с собой власть, он прочувствовал в полный рост. Помнил, как читал тогда статьи о людях, чьи речи приковывали к себе внимание миллионов – Кастро, Че Гевара, Гитлер, Сталин, – и постепенно

начал понимать, чем эти люди держали внимание толпы.

Неприкосновенность вождя. Внушение мысли, что уж я-то знаю нечто, вам недоступное. И, вместе с тем – свойский ленинский прищур, отеческая улыбка Сталина, революционная исступлённость Че Гевары. Понять бы ещё, что это было – игра на публику, или реальная уверенность в своей непогрешимости?..

Умом Кирилл понимал, что именно так и нужно управлять людьми – даже если за душой пустота. А сердцем принять не мог. В этом плане до кумиров далёкого прошлого ему было, как до звезды пешком.

Кирилл не любил и не хотел врать. Если чего-то не знал, так и говорил: я не знаю. Он, если совсем уж честно, и управлять-то никем не хотел! Задарма не встряла никакая власть.

Понимал, что нужно делать. Знал, что люди ему верят. Что пойдут за ним, куда бы ни позвал. Все посёлки Цепи поднимутся... Но мечтал о другом. Кирилл хотел, чтобы люди научились думать сами. Сами решали, что им нужно! Он когда-то выбрал такой путь для себя – и хотел, чтобы каждый выбирал свой. В душе порой всё ещё взывал к неведомым силам. Образуйте людей! Ну, пожалуйста!

Так он впервые взвыл, когда поселился у адаптов – и его, узнав о беременности Стеллы, сгоряча чуть не записали в ожившие боги.

Когда на подходе к Владимиру Кириллу стреляли в спину; в ту ночь его спасла Лара, ехавшая рядом. Кирилл ахнуть

не успел – будущая жена толкнула в плечо, и тем самым уберегла от смерти.

Когда в одном из поселков какая-то ненормальная чуть не задушила Кирилла насмерть, с криком «Хочу от тебя ребенка!» бросившись ему на шею. Джек тогда ржал, что не на того бросилась. «Ты б хоть сообразил стрелки перевести! Типа, я-то – извиняй, подруга, женатый, а вот есть у меня знакомый один...»

В общем, всё, чему Кирилл научился за прошедшие годы, это худо-бедно не выражать свои чувства мимикой. Удавалось такое не всегда, и капюшону Шамана он сейчас от души завидовал.

Толпа, собравшаяся у ворот, стояла на месте.

«Это пока они стоят», – понял Кирилл. Чему-чему, а чувствовать настроение людей за восемнадцать лет научился.

Ещё один вопль, который сработает детонатором – и плотину прорвёт. На чужаков бросятся. Их боятся, а лучший способ защиты, как известно, нападение.

– Четыре года мы детишек не видали! – отмерев, со всхлипом простонала одна из женщин. – Четыре долгих года! А теперь уж – и вовсе не понять, когда увидим! Что ж вы творите, злодеи?!

И детонатор сработал. Толпа хлынула на чужаков.

– Стоять! – рявкнул Кирилл.

Выватил из кобуры пистолет, выстрелил в воздух. Краем глаза заметил, как подобрался в седле Мрак.

«Дожил, – мелькнула в голове у Кирилла горькая мысль. – Разгонять выстрелами безоружных людей! Молодец, ничего не скажешь».

Но, тем не менее, цели он достиг – толпу напугал. Женщины с визгом отпрянули назад.

– Послушайте меня, – подождав, пока утихнут вопли, попросил Кирилл. Спешился, демонстративно сунул пистолет в кобуру. – Это, – он подошёл к Мраку и встал рядом с ним, – сын моего друга. Я знаю этого парня с младенчества. И готов поклясться чем угодно, что его не приносила Мать Доброты! Его родила обыкновенная женщина – такая же, как вы.

Кирилл посмотрел на женщину, которая кричала про детей, поймал её взгляд. Продолжил:

– У меня самого есть сын, сейчас он остался в посёлке Шамана. Он тоже рождён обыкновенной женщиной. Дети могут быть у каждой из вас, поверьте! Если у кого-нибудь хватит смелости отправиться с нами, вы увидите нашу жизнь и наших детей собственными глазами.

– Что увидим? – горько спросила женщина. – То, как вы растите своих детей, чтобы учить их убивать? – она ткнула пальцем в кобуру на поясе у Мрака. – Чтобы учить их издеваться над другими? – показала на Шамана, который демонстративно поник головой ещё больше. – Ваши дети – порождение порока и зла! От ненависти родится только ненависть. Для чего нам дети, которые убьют своих родителей – когда те состарятся и станут обузой?

Кирилл от изумления потерял дар речи. Он будто онемел – слова сказать не мог. Слова нашлись у Мрака.

– Во херня-то, – брезгливо бросил он. – Аж слушать тошно. – Спешился. Позвал: – Бобик! Поди сюда.

Кирилл не сразу понял, к кому обращается Мрак. А потом с удивлением увидел, что к парню бодро трусит собака. Не цепная, не охотничья – обычный грязно-рыжий кабыздох средней лохматости. Вряд ли пёс принадлежал кому-то из собравшихся у ворот, скорее являлся общественным достоянием. В посёлках Цепи собак было немного – возню с животными, не приносящими пользу хозяйству, там почитали баловством, – да по большому счёту и возиться было некому. А в Шаманской вотчине собак и кошек любили, по дворам их носилось множество. Сейчас «Бобик», наострив уши, спешил к Мраку.

Уши его, должно быть, когда-то пытались выпрямиться. У одного даже получилось, оно торчало лохматым треугольником, а второе так и не сумело, застряло в висячем положении. Выглядел пёс забавно, но Кириллу было не до разглядываний. Он знал, что Мрака животные слушаются. Однако таких чудес дрессуры, как запросто подзвать к себе впервые увиденного пса, до сих пор Мрак не демонстрировал.

«Бобик» подошёл и, не дойдя до Мрака пару метров, замер.

– Сидеть, – приказал Мрак.

Пёс с готовностью, как будто с вечера до утра занимался

тем, что учился выполнять команды, сел.

– Встань на задние лапы, – приказал Мрак.

Пёс поднялся на задние лапы, неловко держа передние перед собой.

– Кружись!

Пёс, неуклюже перетаптываясь, принялся крутиться вокруг своей оси. Неумело, явно выполняя такое впервые в жизни, но старательно. В толпе кто-то ахнул.

– Вот и вас так кружат, – презрительно бросил людям Мрак. – Вот этот утырок, – ткнул пальцем в Шамана. – Нравится?

Люди молчали, недоверчиво глядя то на него, то на пса.

– Ручки – вот они, – продемонстрировал Мрак открытые ладони. – Прямо как с вами, да? Топчетесь на цепи возле будки – а разглядеть цепь не можете.

Пёс по-прежнему кружился на месте. Аж язык на плечо вывалил от напряжения.

– Лежать, – сжалился над ним Мрак. Пёс плюхнулся на живот. Кириллу показалось, что, если бы умел, вздохнул бы с облегчением. – Ползи ко мне.

Пёс неловко пополз.

– Не надоело ползать? – кивнув на пса, бросил толпе Мрак. – Свою башку включить не хотите? Эх, жаль, мамка моя померла! Вот уж кто бы вам мозги прочистил. «Убьют своих родителей», – писклявым голосом передразнил он женщину, которая кричала. Повернулся к Кириллу. – Поеха-

ли отсюда? Меня тут чем дальше, тем больше с души воротит, того гляди блевану.

Пёс тем временем добрался до его ботинок.

– Стой, – бросил Мрак.

Пёс послушно замер.

– Свободен. Шагай, куда шёл.

Пёс, будто очнувшись, обалдело отряхнулся. Вскочил и потрусил прочь.

А Мрак, не глядя на него, забрался назад в седло. Вопросительно повернулся к Кириллу.

– Едем, – кивнул тот. Обращаясь к толпе, попросил: – Пожалуйста. Вы же взрослые люди! Попробуйте думать своей головой. Сами. Не оглядываясь на Мать Доброты. Уверен, что у вас получится.

Уезжали они в молчании. Никто из жителей посёлка не проронил ни слова.

Отъехав на расстояние, достаточное для того, чтобы их не было видно от ворот, Мрак попросил Кирилла:

– Притормози.

Кирилл придержал коня.

– Что?

Вместо ответа Мрак приблизился к Шаману. И вдруг ударил его – резко, сильно, кулаком в лицо.

Шаман вскрикнул, нырнул ладонями под капюшон.

– Прекрати! – рявкнул Кирилл.

– Дак, всё, – брезгливо вытирая кулак об одежду, буркнул Мрак. – Поехали дальше.

Кирилл, приблизившись, сдёргнул с Шамана капюшон. Шаман закрывал лицо руками, между пальцами сочилась кровь.

– Убери руки, – велел Кирилл.

Шаман, помедлив, отвёл от лица ладони.

– Нос сломал? – с надеждой спросил Мрак.

Кирилл присмотрелся.

– Нет. Разбил только, нос и губу.

– Жалко.

– Прекрати, – повторил Кирилл.

Хотя у самого кулаки чесались. Давно так сильно не хотелось ударить! Даже и не вспомнить, как давно.

Впрочем, Шаман с агрессией в отношении своей персоны не сталкивался, похоже, ещё дольше. На чужаков он смотрел не с яростью, а с искренним изумлением. Кажется, до сих пор не верил, что на него осмелились поднять руку. И это неверие Кирилла, который до сих пор всеми силами пытался погасить в себе злость, взбесило окончательно.

– Не ожидал? – процедил он. – Веришь – мы тоже. К чему ещё нам готовиться?! Каким ещё враньём ты пичкал людей?!

Шаман стиснул зубы. Вызывающе, ни слова не говоря, уставился на Кирилла.

Из разбитого носа капала кровь. Смешивалась с той, что текла из рассечённой губы, капли падали на плащ и терялись

в тёмных складках. Эмпатией Джека Кирилл не обладал, но молчание было достаточно красноречивым. Шаман не скажет ни слова даже под пытками – это Кирилл, глядя в горящие ненавистью тускло-зелёные глаза, отчётливо понял.

И не выдержал – тоже ударил Шамана. По щеке, наотмашь. Выплеснув в удар всё накопившееся отчаяние и злость. А Шаман даже не попытался увернуться. И если, когда его бил Мрак, этому можно было найти объяснение – тот ударил неожиданно, – то у Кирилла намерение было ясно написано на лице. Однако Шаман даже не пытался уклониться. И Кирилл вдруг понял, почему – он попросту не знал, что это нужно делать. Похоже, действительно никогда прежде не участвовал в драках.

Ненависть в глазах Шамана сменилась растерянностью – как же так? И эта растерянность Кирилла отрезвила. Схлынула злость, накрыло осознанием того, что сделал.

Ударил пленного. Мало того – человека, который физически не может равноценно ему противостоять. Ладно, Мрак, пацан зелёный, у него гормонов пока больше, чем мозгов. Плюс характер папашин – Рэд тоже на расправу скор, аукается Германово «тираническое», как говаривал Вадим, воспитание. Сколько раз Кирилл с Рэдом из-за этого ругался! А теперь сам повёл себя не лучше. Он, в отличие от Мрака, взрослый человек. Он не должен позволять себе срываться. Нужно срочно взять себя в руки, иначе Шаман до пункта назначения попросту не доживёт.

Кирилл выдохнул, справляясь с собой. И приказал:

– Едем дальше.

Проехав ещё с десятков километров, раскинули лагерь. До следующего обитаемого посёлка было далеко, да и снова приближаться к людям после того, что произошло, не хотелось.

Шаман быстро, не глядя на Кирилла и Мрака, съел свою порцию каши – к мясной похлёбке он не притрагивался, – ополоснул миску водой из резинового бурдюка и ушёл в расставленную неподалёку палатку.

– Не бей его больше, – дождавшись, пока Шаман уйдёт, негромко приказал Кирилл.

Мрак хмуро кивнул. Закурил.

– Самое мерзкое в этой ситуации – знаешь, что?

Мрак вопросительно повернулся к нему.

– То, что мы с тобой злимся не столько на Шамана, сколько на себя, – горько проговорил Кирилл. – На собственное бессилие! Эти люди с рождения не слышали ничего, кроме баек о Матери Доброты. И заставить их сейчас отказаться от своей веры – это выбить почву из-под ног. Они, должно быть, тоже интуитивно это понимают. Потому и не хотят нас слушать. Новое – всегда страшно.

Мрак пожал плечами.

– Да понимаю, – кивнул Кирилл, – свою голову не приставишь. Но иногда очень хочется... Послушай, – вспомнил он. – А что за спектакль ты устроил в посёлке? С собакой?

– Психанул, – хмуро буркнул Мрак. – Решил картинку показать, как Шаман им мозги выкручивает.

– В чём была цель, я понял. Молодец, наглядно получилось. Только... Давно ты так умеешь?

– Давно, – коротко ответил Мрак.

И отвернулся, затягиваясь сигаретой. Чувствовалось, что расспросы ему неприятны.

– Ладно, отстал, – сдался Кирилл. – Будет желание поговорить – с удовольствием выслушаю. Дальше меня не уйдёт, об этом не переживай. А пригодиться может здорово. Нам сейчас каждое лыко в строку. Ни один шанс упускать нельзя. Понимаешь?

– Не дурак, – буркнул Мрак.

– Рад, что услышал... Ладно, я – спать. – Кирилл поднялся. – На дежурство разбуди меня, не жалея! Хорошо?

– Угу.

Кирилл знал, что Мрак пожалеет. Что отмерит ему для сна куда больше времени, чем себе. Кирилл ведь, в его представлении – почти старик, да к тому же изнурённый долгой голодовкой. Его надо беречь... Не сдержав порыва, потрепал Мрака по плечу.

Глава 6. Кирилл

Кирилл опасался, что после произошедшей стычки доступ в другие посёлки им могут закрыть, несмотря на присутствие Шамана. Но, видимо, сюда успела добраться молва о том, что «северяне» неприхотливы и безобидны – ничего, кроме ужина и днёвки, от хозяев не требуют. Да и людское любопытство пересиливало страх. В одном из посёлков в дом, куда их определили на постой, едва успели войти, как Мрак подозвал Кирилла к окну.

Молча указал подбородком на подошедшую к дому пару: мужчина чуть постарше Кирилла вёл за руку рослую, румяную девочку лет двенадцати. Другой рукой девочка прижимала к себе пушистую полосатую кошку. Кошка вела себя на удивление смирно, не мяукала и вырваться не пыталась. Покорно висела на руке у хозяйки – видимо, к такому обращению привыкла.

Пара остановилась, не дойдя до крыльца. Мужчина смотрел на девочку укоризненно, что-то ей выговаривая, девочка на него – умоляюще, крепко вцепившись в кошку.

– Это ещё что? – недоумённо спросил Мрак.

Кирилл пожал плечами. Оглянулся на Шамана. Тот демонстративно отвернулся – после драки почти перестал разговаривать со спутниками. Иной раз за всю ночь слова не произносил.

«Да и чёрт с тобой, – ругнулся про себя Кирилл. – Небось, сам знаешь не больше нас».

– Если бы убивать пришли, вряд ли бы кошку с собой по-тащили, – рассудил он. И вышел на крыльцо. – Здравствуй-те. Вы к нам?

Мужчина посмотрел на Кирилла с неловкостью, девочка – с любопытством.

– К вам. Мира и добра, – помявшись, ответил мужчина. И легонько подтолкнул девочку: – Ну, говори, раз просила! Или забоялась уже?

– Ничего не забоялась, – шёпотом ответила та. И смело вскинула голову: – Мира и добра! А можешь, пожалуйста, Муську покружить?

– Чего? – обалдел Кирилл.

– Ну, Муську, – девочка погладила кошку.

Опустила её на землю и присела рядом на корточки.

– Она у меня лапку давать умеет, смотри! – Протянула кошке ладонь. – Мусечка, дай лапку!

Кошка глядела на хозяйку, как показалось Кириллу, с досадой.

– Ну, дай! – настаивала девочка. – Пожалуйста!

Кошка зевнула и улеглась на дорожку спиной к хозяйке.

– Ну, Му-усечка... – девочка оббежала кошку. Достала из кармана платья шарик, скатанный из творога. – Ну, дай лапку!

Кошка потянулась к лакомству. Девочка отвела руку по-

дальше. Кошка ещё раз зевнула. Снисходительно села и шлёпнула лапой по протянутой ладони.

Девочка зааплодировала:

– Умница, Мусечка! – скормила кошке лакомство. Пояснила Кириллу: – А кружиться она не умеет.

До Кирилла постепенно начало доходить.

Детское сердце жаждало чуда. Про фокус, недавно продемонстрированный Мраком с «Бобиком», в посёлке, очевидно, знали.

Хм. А вот интересно, откуда? – задумался Кирилл. – Мы ведь нигде не задерживались дольше одного дня! Приезжали впритык, под утро – вот, как сейчас; ложились спать, а едва солнце садилось, трогались дальше. Для того, чтобы передать вести, кто-то должен был ехать быстрее нас. Кто это мог быть?

От души надеясь, что любопытство не отражается на лице, Кирилл спустился с крыльца. Тоже присел на корточки. Протянув руку, попробовал погладить кошку. Та оказалась с характером – зашипела и вздыбила шерсть. Это от хозяйки готова была терпеть что угодно, а Кириллу, если бы не успел отдёргнуть ладонь, однозначно бы не понравилось.

– Муся, перестань, – прикрикнула девочка, – ничего страшного, пусть дядя погладит. А потом ещё кружиться тебя научит. – Она просительно посмотрела на Кирилла. – Научишь ведь?

– А откуда ты знаешь, что я могу научить?

– Дак, все знают, что северяне умеют... – девочка, в поис-

ках поддержки, оглянулась на отца.

– Соседи рассказали, – подтвердил тот. – А что?

– Да ничего, – небрежно бросил Кирилл. – Удивился просто. Вроде, быстро скачем, нигде не задерживаемся, а кто-то вперёд нас с вестями успел.

– Дак, вы на лошадях, – простодушно объяснил мужчина. – А по Материной-то дороге быстрее выходит.

– Что? – не понял Кирилл. – По какой дороге?

Мужчина снисходительно улыбнулся.

– Мать Доброты научила Шамана, как ездить по старинным рельсам. Тем, что остались от старого мира. С тех пор у нас есть вагонетки, которые движутся быстрее самой быстрой лошади! Они ведь не живые, железные. Не устают, и кормить их не надо. Ты такого чуда, поди, и не видал?

– Видал, – мрачно отозвался Кирилл.

И мысленно обозвал себя идиотом. Оглянулся на дом – показалось, что за окнами мелькнул тёмный плащ. Подслушивает, сыч...

«Что, спалился?» – злорадно мелькнуло в голове.

Впрочем, будь он посообразительнее, мог бы и сам догадаться. Если в Цепи за эти годы восстановили почти тысячу километров железнодорожного полотна, почему здесь не могло произойти то же самое?

А он-то ломал голову, как ухитрился Шаман – верхом, в одиночку – управляться с младенцами! А Шаман, оказывается, передвигался вовсе не верхом. Да наверняка ещё и тай-

ные помощники в каждом посёлке были – приученные дёргать рычаги дрезины, или что уж они тут называют «вагонетками», без лишних вопросов. Если они с Рэдом и Джеком, семнадцатилетние сопляки, ухитрялись разгонять грозящую того гляди развалиться ржавую конструкцию до вполне приличной скорости, уж Шамана-то местные мастера, должно быть, вовсе чудо-колесницей обеспечили. По рельсам, как на крыльях, летит. Вот почему Шаман успевал так быстро обернуться! А в обычное время, когда дрезина ему не нужна, она, очевидно, служит дополнительным средством связи между посёлками. Чего уж проще.

– Дядя, – потянув Кирилла за рукав, напомнила о себе девочка.

Ах, да. Кошка.

Кирилл оглянулся на Мрака, стоящего на крыльце. Тот неодобрительно скривился – «баловства» не терпел. Сказывалось Рэдово суровое воспитание.

– Мира и добра, Алексей, – раздалось вдруг из-за спины Мрака.

Тот, состроив ещё более кислую мину, оглянулся. В дверях показался Шаман.

– Мира и добра, Дарина.

Мужчина с девочкой в один голос отозвались.

«Выскочил-таки, – неприязненно подумал Кирилл. – Не выдержал... Ладно, хрен с ним. Ничего криминального пока не происходит».

– Зачем вы сюда пришли? – продолжил Шаман.

Мужчина покраснел. Забормотал:

– Дак вот, дочка... Прознала, что северяне пса танцевать заставили – пристала, что твой репей. Пойдём, дескать, попросим, чтобы Муську тоже научили.

По лицу мужчины ясно читалось, что он, с одной стороны, от неловкости перед Шаманом готов провалиться сквозь землю. А с другой стороны, что отказать дочери – выше его сил. И как бы ни оправдывался сейчас, случись такое снова – Дарина так же запросто заставит отца отправиться хоть на поклон к «северянам», хоть к чёрту на рога.

– Ты слишком потакаешь дочери, Алексей, – пожурил Шаман. – Ей не пойдёт это на пользу. Разве Мать Доброты учит нас слушать детские капризы?

Алексей опустил повинную голову.

– А ты, Дарина? – Шаман повернулся к девочке. – Для чего тебе мучить кошку?

– Я – не мучить, – пискнула та. – Я просто посмотреть!

– Мать Доброты определила животным ходить на четырёх лапах, – назидательно сказал Шаман. – Не следует издеваться над ними.

Глаза девочки наполнились слезами.

– Я не хотела издеваться...

А сидящая у её ног кошка вдруг выгнула спину и зашипела. Как показалось Кириллу, на Шамана. Но тот быстро нашёлся:

– Вот, видишь! Животное само просит не мучить его. Пообещай мне... – Он не договорил – кошка вдруг сорвалась с места.

Одним прыжком взлетела на крыльцо, а следующим вцепилась когтями в тёмный плащ.

– Муська! – ахнула Дарина. – Ты чего?!

Шаман вскрикнул – кошка повисла на нём, должно быть, острые когти вонзились в кожу. Попытался оторвать животное от себя, но, видимо, сделал только хуже – Муська впилась ещё крепче.

Алексей бросился на помощь. Схватил кошку за шкурку, отцепил от плаща и швырнул в сторону.

Муська, как положено кошке, приземлилась на четыре лапы. Возмущённо мявкнула и опрометью бросилась прочь. Дарина заревела – вряд ли от сочувствия Шаману. Подобралась, явно готовая нестись вслед за любимицей.

Алексей, должно быть, это понял. Схватил девочку за плечо:

– А ну, стой! Вернётся твоя Муська, никуда не денется.

Дарина умоляюще посмотрела на отца. Тот погрозил пальцем. Девочка перевела взгляд почему-то на Кирилла.

– Вернётся, – заверил тот. – Кошки всегда возвращаются.

Дарина упрямо посопела. И решила:

– Тогда пойдём домой! – и принялась теребить отца за рукав.

– Погоди, – отмахнулся тот. Попросил Шамана: – Ты уж

прости животину бестолковую! Не знаю, что на неё нашло. Она, так-то, смиренная у нас. Дарина её как только не таскает, а Муська даже не царапнула ни разу.

– Мать Доброты простит, – глухо отозвался из-под капюшона Шаман. После внезапной атаки Муськи его педагогический пыл явно поутих.

– Ну... Тогда, стало быть, пойдём мы, – с облегчением кивнул Алексей. – Мира и добра, – взял за руку дочь, и пара поспешно удалилась.

– Что, съел? – дождавшись, пока отец с дочерью скроются из виду, бросил Шаману Мрак.

Он сидел на перилах крыльца, зацепившись ногами за фигурные дощечки-балясины.

Шаман, не говоря ни слова, ушёл в дом. Хлопнул дверью. А Кирилл только сейчас сообразил, из-за чего взбесилась кошка.

– Вот оно что, – глядя на ухмыляющегося Мрака, проговорил он. – То есть, это ты заставил Муську на Шамана кинуться?

Довольный Мрак откинулся назад и повис на перилах вниз головой. Объявил:

– А кружить её я не стал бы.

– Это ещё почему?

– Потому что девка – дура балованная. – Мрак легко, одним движением, выпрямился. По-сталкеровски презрительно сплюнул. – Здоровая кобыла, скоро замуж выдавать – а

всё с кошками играется! Не фиг. Обойдётся.

– Да уж, – задумчиво пробормотал Кирилл. – Девочка для отца – авторитет посерьёзней Шамана. Возможно, сказывается удалённость посёлка. Чем ближе люди к своему, так сказать, мозговому центру, тем влияние Шамана сильнее. В его родной вотчине никто не посмел бы спорить. А возможно, дело в другом... В генетике.

Мрак в ответ зевнул. «Умные» слова на него, как и на Рэда, неизменно нагоняли скуку.

Больше по пути происшествий не случилось. Но чем ближе они подходили к дому, тем мрачнее становился Кирилл.

Культ Матери Доброты, как выяснилось, процветал на юге повсеместно. В каждом посёлке стояли молельни. В каждом посёлке люди встречали и провожали ночи псалмами. Прямо под боком у Кирилла выросла новая религия – а он ни сном ни духом.

Мрак, вероятно, думал о том же. Хмуро спросил у Кирилла:

– Как мы так-то? А?

Кирилл развёл руками.

– У нас хватало своих дел, а южане очень не хотели чужого вмешательства. Вот и получилось... то, что получилось.

– Почему не хотели? Этот – понятно, зачем про нас байки травил, – Мрак пренебрежительно кивнул на Шамана. Тот привычно не шелохнулся. Всю дорогу держался так, буд-

то разговоры спутников его не касались. — Ему власть была нужна. А простые-то люди? Неужто не хотели другой жизни?

— Простые люди, видимо, не верили в то, что бывает лучше. Как тебе объяснить... — Кирилл сам много об этом думал. И пришёл к единственному выводу. — Люди боялись.

Мрак непонимающе нахмурился:

— Чего?

— Да в том и дело, что слишком многого. Непосильно многого... Видишь ли. — Кирилл вздохнул. — Сам я этого, конечно, не застал, маленький был, да и жил, по сути, в изоляции. Судить могу только по чужим рассказам. Но, насколько понимаю, было примерно так: когда всё случилось, человечество, до той поры самому себе казавшееся неуязвимым, вдруг осознало, как на самом деле зыбко всё то, что им создано. Сколь не крепки завоевания цивилизации. Как легко, оказавшись на пороге гибели, забыть о морали, о человечности. Как быстро слетает шелуха воспитания, и сколь удобным, и, казалось бы, естественным становится в новых условиях право сильного... Люди боялись. Сначала — взбесившегося солнца. Потом — болезней, голода. А потом начали бояться своих же соплеменников. Тех, кто озверел от безнадёги, махнул на всё рукой и решил жить по законам звериной стаи. Хорошо уже всё равно не будет, так хоть что-то урвать напоследок. Хоть малую толику того, что осталось... Люди разуверились в том, что люди — такие же, как они — бывают добрыми, понимаешь? Отзывчивыми, бескорыстными. Ко-

гда ежедневно и ежечасно приходится бороться за существование со своими же соплеменниками, верить в это рано или поздно перестаёшь. И ни от кого не ждёшь ничего хорошего. А верить-то хочется! Ведь, кто бы что ни говорил, какие бы циничные подоплёки не придумывал – на самом деле человек живёт надеждой, Мрак. В то, что завтра будет лучше, чем вчера. В то, что всё как-нибудь наладится. Восстановится... Без этой веры мы просто перестали бы жить, давно перевелись бы как вид. А самая простая и приятная вера из всех существующих – это вера в чудо. Неважно, сколько лет человеку. Независимо от воспитания и жизненного опыта, вера живёт в каждом. Ни один разумный человек в этом, естественно, не сознается. Человек может и сам не знать, что он верит – но в душе ждать волшебства, как детишки ждут Деда Мороза. Чудо свершится. Что-то произойдёт... И это, вроде, не так глупо и не так стыдно перед собой, как верить в то, что тебе ни с того ни с сего начнут помогать незнакомые люди.

– Да с какого перепугу-то? – Мрак искренне недоумевал. – То, всё-таки, люди, а не хрен знает что! А во всякую фигню верить – как раз самая дичь и есть. Куда уж глупее?

Кирилл развёл руками:

– Мне самому было непросто это понять, слишком уж разное у нас мышление. Ты учти, что тогда, тридцать лет назад, под влиянием Шамана оказались уставшие, отчаявшиеся, пережившие то как всё случилось люди. Не молодые ребята, вроде твоего отца или Джека, которых с малолетства

готовили к суровому выживанию. Учили верить в себя и в собственные силы.

– А ты?

– А меня воспитывали учёные – то есть, люди, которым сам бог велел рассуждать критически. Поэтому с нами, так же как с тобой или с Серым, шаманские сказки вряд ли бы сработали. А в здешних посёлках – тогда, тридцать лет назад – обитал народ совершенно иного склада. Необъяснимое плохое случилось, ведь так?... Значит, по законам человеческой надежды, должно было случиться что-то, столь же необъяснимо хорошее. И Шаман сотворил то, чего втайне жаждал каждый из его соплеменников – подарил им чудо. Мать Доброты. С учётом способностей Шамана, сработало идеально, люди ему поверили. Тем более, что взамен Шаман не требовал ничего, кроме соблюдения законов, на первый взгляд казавшихся разумными и справедливыми. Добро – за добро. Воздаяние за послушание. А потом появились дети – как высшая награда покорности и миролюбия... Шаман принёс измученным, разуверившимся людям надежду. То, ради чего стоило жить. Сотворил новую религию. Они живут в своём мире, понимаешь? А те, кто к нему не принадлежат – враги. Которые спят и видят, как бы этот мир разрушить... Естественно, люди всеми силами оберегали свои тайны. Поэтому мы ничего и не знали.

– А как же тот пацан? – спросил вдруг Мрак.

– Какой?

– Ну, этот. Лазарь. Ты сказал, что у них тут свой мир. Что бошки им Шаман забил наглухо, что мы для них – враги. По-хорошему он должен был под лавку забиться и зубами стучать со страху. А он – вон чего. Считай, против своих попереть не побоялся, когда вам помогать решил. Как так-то?

Кирилл развёл руками.

– Веришь – сам не понимаю. Я ведь не психолог, и читал по этой теме очень мало – так, по верхам нахватался. Но, насколько помню читанное, основные жизненные установки – что есть добро, а что зло, кто друг, а кто враг, – формируются у человека где-то лет до четырнадцати. Дальше его уже крайне сложно в чём-то переубедить. А Лазарь своим поведением эту теорию опровергает. Он знал, взрослые ему говорили о том, что мы с Джеком – враги. Но он в это то ли до конца не верил, то ли в его случае любопытство оказалось сильнее страха. Он ведь на удивление любознателен – и вот как раз этому есть объяснение. Помнишь девочку, которая при-тащила кошку? Я ещё тогда подумал о генетике... Эмбрион Лазаря, как и эмбрион этой бесстрашной девочки, собирали под микроскопом. Они, как и другие бункерные дети, должны были воплотить в жизнь Вадимову теорию «чистого разума», то есть с рождения обладать очень высокими интеллектуальными задатками. А значит, в каждом из этих детей уже на эмбриональном уровне прошита такая вещь, как критичность ума. Им от природы свойственно ничему не верить

на слово. Во всём докапываться до сути... Потребность их мозга – анализировать и делать собственные выводы, понимаешь? Возможно, дело в этом.

Мрак, задумчиво глядя на Кирилла, пожал плечами.

В родной посёлок они прискакали перед самым рассветом – терпения на то, чтобы пережить в приюте ещё один день, не нашлось ни у Кирилла, ни у Мрака. Скакали быстро, как только могли.

Ещё издали увидели, что ворота посёлка распахнуты настежь, а перед ними неподвижно стоят две фигуры – плечистая мужская и стройная женская.

– Батя, – севшим вдруг голосом сказал Мрак. Кашлянул. И прикрикнул на Шамана: – Шевелись ты, ну!

Через минуту они с Кириллом уже спешили к воротам.

– Целы? – коротко спросил Рэд. – Да не орите вы! – цыкнул на вопящих от восторга, скачущих вокруг путников младших сыновей.

Обнял спешившегося Мрака.

– Целы, – подтвердил Кирилл. И прижал к себе бросившуюся ему на шею Лару.

– Джек? Олеська? Серый? – Рэд повернулся к нему.

– Джек и Серый остались на юге. Так было надо. Олеська... – Кирилл не договорил.

Почувствовал, как окаменела в его объятиях Лара. Через силу попросил:

– Потом. – Отстранился от жены. Кивнул Рэду на Шамана: – Это – пленный. Солнце не держит. Пристрой куда-нибудь, запири на замок. После того, как запрёшь, людей к нему не подпускай! Никого, кроме меня и Мрака. Даже сам не подходи. Оглянуться не успеете, как мозги вам заполоскает.

Мрак тоже отошёл от отца. Все, включая мальчишек, установились на Шамана. Дополнительных разъяснений не потребовалось – полузабытое, по мирному времени, слово «пленный» говорило само за себя.

– Сведи пока в чулан, где буянов запираем, – глядя на Шамана, приказал Мраку Рэд. – Там засов на двери есть, крепкий. – Прочие двери в посёлке традиционно не запирались. И велел застывшему в седле Шаману: – Слазь. Приехал.

От домов к воротам, привлечённое счастливыми детскими воплями, уже спешило остальное население.

Глава 7. Кирилл

Рэд пришёл к Кириллу вместе с Мраком. Быстро, едва ли полчаса прошло – Кирилл успел только помыться и переодеться с дороги. Мрак, видимо, тоже ничего другого не успел – чугунок с ужином отец и сын принесли с собой.

– У вас и поедем, – объяснил Рэд.

Кирилл согласно кивнул.

Лара накрыла на стол. Расставила тарелки, вынула из буфета рюмки. Четыре поставила рядом с тарелками, одну в стороне.

Кирилл налил в рюмки самогона. Ту, что в стороне, Лара накрыла куском хлеба.

Молча, не чокаясь, выпили. Помолчали. У Лары вдруг задрожали плечи. Она всхлипнула и, закрыв лицо руками, выскочила из-за стола. Громко хлопнула входная дверь.

Рэд посмотрел вслед убежавшей Ларе. Взялся за бутылку и заново наполнил рюмки. Придвинул к Кириллу его, поднял свою. И, глядя Кириллу в глаза, твёрдо сказал:

– Давай. Вернулись – молодцы.

После третьей выпитой рюмки Кирилл подумал, что при его истощении и недосыпе, усталости после дороги, должен бы уже под стол упасть. Но почему-то не падал. И хмеля не было ни в одном глазу, только голова опустела – того гляди зазвенит.

Рэд достал сигареты, вопросительно посмотрел на Кирилла. Тот махнул рукой: кури здесь, чёрт с тобой. Поставил перед Рэдом блюдо – вместо пепельницы.

– Как так-то? – закурив, спросил Рэд.

Вопрос содержал в себе сразу всё.

Как погибла Олеся? Почему Джек и Серый остались на юге? Кто такой Шаман?

Рэд не осуждал, не сочувствовал, не торопил. Кирилл знал, что командир умеет отрешаться от горя. Сначала – дело, а уж потом... Что там творится у железного Сталкера на душе, и что бывает «потом», никто не знал. Единственная женщина, которая знала, умерла восемь лет назад. Рэд безучастно пускал в потолок дым и ждал, пока Кирилл соберётся с силами.

– Человек, которого ты запер в чулане – очень сильный менталист, – начал Кирилл. – Менталист – это тот, кто умеет внушать свои желания другим людям. Благодаря этому умению Шаман и его помощница создали на юге новую религию...

В середине рассказа Кирилл заметил, что в дом вернулась Лара. Подошла, села рядом с ним. Веки у неё припухли, но больше Лара не плакала. Так же, как Рэд, напряжённо и внимательно слушала рассказ.

– По дороге домой нас догнали жители шаманского посёлка, – закончил Кирилл. – Рассказали, что Ангелина пропала, и начался беспредел. Драки, грабежи, изнасилования...

Джек сравнил этих людей с псами, которые сорвались с цепи. В посёлке оставались женщины и дети. Да и мужики, по сути, ни в чём не виноваты... Я решил, что анархию допускать нельзя, и приказал нашим вернуться. – Он замолчал.

– Это сколько ж они там, получается? – хмурясь, спросил Рэд. – Два месяца уже?

– Почти. Пятьдесят семь дней.

– И бункерная девочка с ними? – уточнила Лара.

– Да. Мы бы её не увели, от Джека теперь не оторвёшь.

Лицо у Лары потеплело.

– Надо же. Нашла-таки папашку... Отчаянная девка.

– Есть в кого, – буркнул Рэд. – Вы б слышали, какую мне Вадя из-за неё истерику закатил.

– А когда ты с ним разговаривал?

– Дак, аккурат на другую ночь, как пацаны ушли. Думал, она обратно в Бункер подалась. Я бы раньше поехал, да к утру буран поднялся. Следы замело, не видно ни хрена – чёрт её знает, куда делась.

– А к Егору ты не ходил? – подал голос Мрак.

Рэд кивнул:

– Дошёл, а как же. Сразу после Бункера к ним подался. Егор сказал – были, мол, ваши, задневали да ушли. Два парня и девка. Я думал, у вас с Серым мозгов хватит – эту дурищу с хвоста стряхнуть.

– Застремались у Егора оставлять, – объяснил Мрак.

– Почему? Что бы он ей сделал?

– А я знаю? На нём не написано.

– Правильно сделали, что не оставили, – согласился Кирилл. – Егор с Шаманом знаком. Неизвестно, что бы было. – Вспомнил, как они заезжали в посёлок Егора, помрачнел. – Но только из Егора информацию клещами не вытянуть. Я пытался расспрашивать – молчит.

– Потому что спрашивать не его надо, – проворчал Рэд. Кирилл кивнул:

– Вот и я так подумал.

– В Бункер пойдёшь?

– Да. Прямо завтра и пойду. Мне необходимо узнать правду.

В Бункер Кирилл поехал вместе с Рэдом. Долго его отговаривал – беседа предстояла тяжёлая, а присутствие адапта, который «Вадю» терпеть не мог, осложнило бы её ещё больше. Но Рэд категорически заявил, что одного Кирилла не отпустит.

– Проедет тебе по ушам, а ты схвабаешь – не подавишься, – отрезал он. – При мне, глядишь, брехать остережётся.

Дорога едва начала высыхать после весеннего половодья. Кирилл с грустью подумал, что о прекращении товарообмена с Бункером Рэд мог и не рассказывать – заметно было, что не ездили здесь давно. Обочины стремительно зарастали бурьяном, сквозь насыпанный когда-то, плотно утрамбованный щебень лезла молодая трава.

Побег Эри стал последней каплей в отношениях между Бункером и адаптами, которые и без того трещали по швам. После того, как девушка пропала, Вадим объявил, что Бункер переходит на автономное существование. Эти слова Рэд запомнил и выговорил их с особым презрением.

– Ну, и всё, – закончил рассказ он. – Насильно мил не будешь. Больше я к ним не совался и другим запретил.

– Ясно, – сказал Кирилл.

Понятно было, что, если бы в это время в посёлке находился он сам, такого не допустил бы. А у Рэда дипломатия никогда не была сильной стороной. Кроме того, никакой необходимости в поддержании отношений с Бункером Сталкер попросту не видел. Да по большому счёту, с практической точки зрения, её и впрямь не было. Никаких контраргументов, кроме интуитивного «так нельзя!» Кирилл предъявить не мог. Как и не мог сказать, чего ждёт от разговора с Вадимом. Что-то должно было решиться – это он понимал. Знать бы ещё, что...

До того как всё случилось обширную территорию, на которой располагался Институт, опоясывал бетонный забор. Ворота из металлической решётки, сколько Кирилл себя помнил, запирались на простую задвижку, обрезок такого же металлического прута – защита от расплотившего в окрестных лесах зверья.

Сейчас ворота украшал здоровенный навесной замок. Выглядел он так, словно, раз повесив, с тех пор его не открыва-

ли. На дороге, ведущей от ворот к Институту, между бетонных плит сквозь старую, засохшую траву пробивалась молодая. Ни одной примятой травинки Кирилл не заметил. С той стороны к воротам не подходили уже очень давно.

– Что, сюрприз? – ухмыльнулся Рэд, трогая дужку замка.

Кирилл ругнулся и оглядел ворота. Ничего, похожего на звонок, не увидел. Да здесь, кажется, звонка никогда и не было – до того как всё случилось в будке КПП у ворот постоянно находилась охрана, а после катастрофы люди пользовались задвижкой. А теперь, значит, замок. Интересные дела творятся.

Кирилл знал, что одна из камер, дающих изображение на монитор в бункерной рубке, установлена над воротами. Но помнил и то, что без необходимости, возникающей крайне редко, никто из бункерных жителей в рубку не заходит. Как привлечь к себе внимание, он понятия не имел и, вероятно, ещё долго терзался бы этим вопросом, если бы не Рэд.

Который, подёргав замок и бросив:

– Ну? И чё стоим, кого ждём? – привязал коня к металлическим прутьям, ухватился за решётку и, сноровисто перебирая руками и ногами, принялся карабкаться вверх.

Кириллу ничего не оставалось делать, кроме как последовать его примеру.

Рэд, разумеется, управился быстрее. Спрыгнул с другой стороны ворот и уселся на землю в демонстративно выжидательной позе. Кирилл пыхтел, карабкаясь по железным пру-

тъям. До сих пор считал, что на физическую подготовку не жалуется.

– Непривычная нагрузка, – попробовал оправдаться он. – Руки соскальзывают, неудобно.

Рэд хмыкнул.

– Да понятное дело, непривычная. Это мы ещё по детству в завалах скакать насобачились – что твои белки... Да ты ногами толкайся, на одних руках далеко не уползёшь. Ногой упёрся – руку выкинул. Потом другую. Давай: и, раз! И, два!

С командами Рэда дело пошло лучше. Скоро Кирилл, отдуваясь, перевалил через верхнюю планку ворот.

Пока они шли по знакомой до метра, тысячу раз хоженной дороге, Кирилл почему-то успел увериться, что у неприметной бетонной коробки, входа в Бункер, их встретят. Но дверь оказалась закрытой. Гостей в Бункере определённо не ждали.

Кирилл надавил квадратную кнопку звонка. Трезвон не слышал, но знал, что он разносится по всему Бункеру – именно поэтому, для того, чтобы не тревожить население, гостей с поверхности было принято встречать у входа.

Подождал. Тишина. Из транслятора, укреплённого над звонком, не доносилось ни звука.

Кирилл снова позвонил. Тишина.

– Они там живы, вообще? – обронил Рэд.

Кирилл похолодел. Чёрт его знает, что происходит в Бункере!

Вдруг Вадим доигрался с каким-нибудь очередным «экспериментом»?! И ведь не попасть под землю никак. Внешнюю дверь они с Рэдом, допустим, выломают – это не так сложно, а вот металлический люк полуметровой толщины, если он закрыт, не взять и прямым попаданием снаряда. До того как всё случилось люди умели заботиться о безопасности.

Кирилл снова надавил кнопку звонка. В этот раз держал палец, не отпуская.

Пожалуйста! Ну, пожалуйста! Ну...

– Что происходит?

Кирилл от неожиданности едва не присел. Динамики микрофона, должно быть, выставили на полную мощность. Недовольный голос Вадима разнёсся над окружающим Бункер пустырём так громко, что, будь Кирилл лесным зайцем – стреканул бы отсюда без оглядки.

– Добрый день, Вадим Александрович.

Не раз и не десять Кирилл искренне радовался вбитым в голову с детства, на уровне рефлексов, вежливым «ниочёмным» оборотам.

Обыкновенное «Спасибо, как-нибудь в другой раз» в ответ на «Хер ли надо? По рылу давно не получал?» могло надолго подвесить соперника и дать бункерному умнику время на то, чтобы ударить первым. А простой вопрос «Как дела?», заданный кому угодно, был способен загнать собеседника-адапта в натуральный ступор. Людей, выросших на по-

верхности, никто не обучал вежливому отзыву: «Спасибо, хорошо». Они всерьёз задумывались над тем, как у них дела, и стоит ли рассказывать об этом Кириллу. Что, опять же, давало определённые преимущества.

Вадим обучал Кирилла основам культурного общения самолично. Но приём, освоенный ещё в юности, сработал и с ним.

– Здравствуй, Кирюша, – машинально отозвался Вадим.

В ушах у Кирилла зазвенело. «Бедные звери», – пронеслось в голове. К новому апокалипсису готовятся, не иначе. Вслух сказал:

– Микрофон сделайте потише, пожалуйста. Очень громко.

– Да-да, секунду.

Какое-то время у Вадима, должно быть, ушло на то, чтобы вспомнить, где здесь, на пульте, «делают тише».

– Так нормально?

– Да, теперь нормально. Спасибо. Как у вас дела?

– Хорошо. Спа... Э-э-э, – очнулся Вадим. – То есть, до вашего появления было неплохо. А сейчас вы устроили форменный переполох. Надеюсь, это обусловлено каким-то важным происшествием. Что случилось?

– Я расскажу, – пообещал Кирилл, – только переминаясь тут с ноги на ногу не очень приятно. Вы не хотите меня впустить?

– Прости, но нет, – отрезал Вадим. – Бункер законсерви-

рован – надеюсь, тебе, в отличие от твоего друга, – Кирилл не видел, но прекрасно представил взгляд, брошенный на Рэда, – не нужно объяснять, что это значит. А по твоему состоянию я вижу, что ситуация не критическая.

Да уж. По сравнению с теми ситуациями, которых Кирилл не помнил – когда адапты притаскивали его сюда умирающим, – наверное, действительно не критическая. Он ведь стоит на ногах и разговаривает.

– Ситуация, я бы сказал, взрывоопасная, – со всей внушительностью, на которую был способен, объявил Кирилл. – Мы побывали на юге. Мы знаем о Матери Доброты. Познакомились с Шаманом и привезли его сюда. Теперь вы меня впустите?

– Что, прости? – недоумения в голосе Вадима хватило бы на пятерых Кириллов в лучшие годы. – О чём ты?

– Ах, да, – саркастически спохватился Кирилл. – Вы, вероятно, не знаете. Отдали детей и забыли. А Шаман, между прочим, на этом поприще новую религию сотворил! Отбравших вами – не знаю уж, по какому признаку – младенцев, согласно верованиям Юга, приносит Мать Доброты. И не абы кому, а самым достойным. То есть, самым послушным и благочестивым. С вашей лёгкой руки выстроена целая управленческая система, Вадим Александрович.

– Какая система? Каких ещё детей? Что ты несёшь?! – Вадим, похоже, рассердился не на шутку. – Прости, Кирюша, но мне кажется, что ты не трезв. Прежде ты не позволял себе

появляться здесь в таком виде! Каким образом вы преодолели ворота, запертые на замок, не хочется даже спрашивать.

– Перелезли, – услышал Кирилл наполненный сарказмом голос Елены Викторовны. – И ты бы видел, с какой сноровкой! Я посмотрела записи с камеры, Дарвин был прав. Теперь у нас есть наглядное подтверждение того, что человек произошёл от обезьяны.

– Прекрасно, – вздохнул Вадим. – Господи, дожили... Кирюша. Я всё понимаю. Но хочу напомнить, что тебе давно не семнадцать лет! Ты вернулся из дальнего путешествия, ты возбуждён. Но, тем не менее. Советую тебе переосмыслить своё поведение в целом и, в частности, визит сюда – к людям, которые помнят то, каким ты был когда-то и, несмотря ни на что, тебя уважают. В твоём нынешнем состоянии, мы не готовы к дискуссиям, прости.

– Да никакой я не пьяный! – возмутился Кирилл. Вдруг поняв, что слово в слово повторяет Серого, года три назад впервые заявившегося домой едва стоящим на ногах. И сообразив, что сейчас-то они с Рэдом, конечно, трезвые, однако вчерашний перегар никуда не делся, и в Бункере его точно учуют. – Вадим Александрович! Честное слово, со мной всё в порядке! Впустите нас, пожалуйста.

Был бы Кирилл один – возможно, его бы впустили. По наступившему молчанию стало ясно, что Вадим колеблется. Но Кирилл был не один. А Рэд из произнесённого Вадимом сделал собственные выводы.

– Сам-то, не нажравшись – не возбуждаешься, что ли? – презрительно проговорил он. – Или колёса специальные есть, чтобы вставляло?

– Прекрати, – схватив Рэда за руку, взвыл Кирилл. – Он вообще не о том! Вадим Александрович, поймите...

– Не уверен, что готов к пониманию. – Голос Вадима будто покрылся коркой льда. Когда Кирилл был маленьким и слышал такой тон, точно знал, что на скорое прощение рассчитывать не стоит. – Приходите, когда протрезвеете. Если, конечно, вообще вспомните, что такая необходимость была.

– Сейчас и правда не лучшее время для того, чтобы разговаривать, – донёсся из транслятора ещё один голос, примиряющий. Кирилл узнал Григория Алексеевича.

– Доброй ночи, Кирюша, – сказала Елена. Кириллу показалось, что видит её брезгливо поджатые губы.

– Доброй ночи, – закончил Вадим.

И Кирилл не услышал, но понял, что микрофон отключили. Он успел среагировать: поймал Рэда за руку до того, как тот врезал кулаком по транслятору. Сквозь зубы проговорил:

– Не смей. Уходим.

В этот раз через забор Кирилл перелез куда ловчее.

Они с Рэдом отвязали лошадей.

– Ну? – требовательно спросил Рэд.

– Не знаю, – честно сказал Кирилл. – Хрень какая-то. Понимаешь... К Вадиму можно относиться как угодно. Но, хоть ты меня убей – сейчас он говорил абсолютно искренне! Он

действительно ничего не знает ни про детей, ни про Мать Доброты. Реально уверен, что я бухой и спьяну чёрт-те что несу.

– Да ладно? – вскинулся Рэд.

– Угу. Вот, чем хочешь поклянусь! Я знаю Вадима. И знаю, как он себя ведёт, когда что-то не договаривает. Сейчас – это была правда.

Глава 8. Кирилл

Когда Кирилл стал главой адаптского посёлка, поневоле пришлось привыкнуть к тому, что права на личную жизнь он теперь не имеет. Забарабанив в окно или дверь его дома могли в любое время суток – и свои, из посёлка, и гонцы от соседей.

Каждый из барабанивших, разумеется, считал, что дело у него крайне срочное, и без скорейшего вмешательства Кирилла обойтись никак не может. Мнения самого Кирилла не спрашивали – как до него ни о чём не спрашивали Германа. Впрочем, адаптам стоило отдать должное, на пустом месте панику они не поднимали. Случаи, когда прибежавший обошёлся бы и без Кирилла, можно было сосчитать по пальцам одной руки. В подавляющем большинстве дело было действительно не терпящим отлагательств – так же, как в тех случаях, когда люди прибегали к Ларе.

В окно забарабанили.

Кирилл выпустил из объятий Лару. Прошептал:
– Хорошо, что не минутой раньше.

Лара улыбнулась, откинулась на подушку. Сказала:
– К тебе.

«Своих» посетителей она определяла, не открывая дверь.

Кирилл собрал с пола разбросанную одежду. Досадливо крикнул:

– Иду!

Быстро натянул штаны и майку. С сожалением оглянулся на Лару – она сладко потянулась, – и пошёл к двери.

На крыльце стоял Мрак. И лицо у него было такое, что о недавней досаде Кирилл мгновенно забыл.

– Что случилось?

– Я в лесу был, – начал Мрак.

Мрак, оказывается, втихаря провожал Кирилла и Рэда до Бункера. Зачем – объяснить не смог. В том, что брать его с собой откажутся, не сомневался, но и в необходимости своего присутствия почему-то не сомневался тоже. Он следовал за отцом и Кириллом на безопасном расстоянии, а возле самого Бункера скрылся в лесу.

Кирилл попытался представить, что скажет Рэд, узнав о самостоятельности сына, и решил, что лучше не представлять. Хотя, учитывая, что о присутствии неподалёку Мрака ни один из них не догадался – за умелое ведение разведки, может, и похвалит. Это потом уже по шее даст.

– Я видел, как вы перелезли через забор, – сказал Мрак. – А дальше, когда отошли, уже не видать стало. Ну и я, чтоб просто так не сидеть, решил вокруг полазить. Подумал – как Шаман детей на поверхность-то выносил? Неужели прямой дорогой, через люк? Ты ж сам рассказывал, что там кругом камеры понатыканы.

– Ну, допустим, отключить на время камеры не сложно, –

задумчиво проговорил Кирилл. – Но внутри самого Бункера, если действовать ночью, запросто можно на кого-то нарваться, тут ты прав. А выходить днём, когда все спят, Шаман и сам не рискнул бы, и для детей солнце – серьёзная опасность. – Мысленно выругал себя за то, что сам об этом не подумал.

– Вот, – кивнул Мрак. – А я ж помню, ты говорил, что в Бункере не один вход! Ну, то есть, главный – один, но ещё запасные есть, на всякий случай. Которые в лес выводят.

Кирилл невольно улыбнулся. Вспомнил байки, которыми они с Олегом и Дашей в детстве пугали друг друга – о том, что в Бункер ведёт множество потайных ходов, и по этим ходам в коридоры запросто могут проникнуть дикие звери, людоеды-мутанты, злодеи, устроившие катастрофу – нужно подчеркнуть. Повзрослев, Кирилл пытался разыскать схемы планировки Бункера, но сходу ничего не нашёл, а прямой необходимости в поисках не было. Плюнул и забыл, других дел хватало. Однако в том, что запасной вход действительно существует, он не сомневался. По правилам техники безопасности строители Бункера просто не могли его не предусмотреть. Возможно, даже не один.

– И что? Хочешь сказать, ты нашёл вход?

Мрак кивнул:

– Я примерно знал, где искать. Мы на него как-то с Серым набрали – давно, по детству ещё. В лесу лазили – только начали тогда далеко от дома уходить, всё кругом интересно бы-

ло, – вот и напоролись. Тогда, конечно, ни фи́га не отду́пли-
ли, что это. Там коробка бетонная, не больше сарая – четыре
плиты, да дверь. Дверь ржавая вся, и плиты мхом обросли.
Замка снаружи нету, но дверь не открыть, заперта. Мы тол-
кали-толкали – ей хоть бы хрен по деревне, как влитая. И во-
круг тоже ничего интересного. Серый сказал, что, может, там
до того как всё случилось там военные учения проводили.
И в той коробке под землёй раньше оружие стояло, или ещё
чего. Сейчас-то уж точно ни фи́га внутри не осталось, так и
смысл туда ломиться? Мы ушли, и всё. А сейчас я, как начал
прикидывать, где вход может быть, про эту будку вспомнил.

– Так, – кивнул Кирилл. – И что, нашёл?

– Угу. Только теперь к ней так просто не подойти.

– То есть?

– Ну, вот так. Участок, на котором будка стоит, сеткой об-
несён. Перелезть, конечно – как два пальца, но я застремался
что-то. Думаю, хрен его знает, вдруг там тоже камеры? Когда
мы с Серым будку нашли, никакой сетки вокруг не было.

– А когда вы её нашли? Сколько тебе лет было?

Мрак задумался.

– Ну... лет семь, может.

– То есть, детей Шаману уже отдавали, – пробормотал Ки-
рилл. – А в прошлый раз – когда вы там лазили? Летом?

– Не, осень была. Мы за орехами пошли.

– А детей Шаман передавал в посёлки в июле. То есть,
возле Бункера он должен был появиться в июне... Неудиви-

тельно, в общем-то, что к осени вокруг входа всё заросло. Хотя присутствие сетки это, конечно, никак не объясняет.

– Сейчас там ни фиги не заросло, – пробурчал Мрак. – Внутри сетки – будто табун гулял, вся трава вытоптана. Только что навоза нету. Я думал, долго это место искать буду, а сам издалека приметил.

– Ещё интереснее, – проговорил Кирилл. – А тропинки есть?

– Не-а. Ни одной, я специально всё вокруг облазил.

– Окей, – кивнул Кирилл. – Понятно, что ничего не понятно... Надо мне самому посмотреть. Жди, сейчас оденусь. Вместе туда ходим.

Мрак мотнул головой:

– Не, ждать не буду. К бате метнусь, предупредить. Уже обыскался меня, поди.

– Понял. Сам за тобой зайду.

Лошадей Кирилл и Мрак привязали на опушке леса, дальше пошли пешком.

– Далеко идти?

– Не. С полкилометра, не больше.

– Что ж, и по расстоянию оптимально, – решил Кирилл. – И случайно – вряд ли кто напорется, и, если что, на дорогу выбираться недалеко.

Шли быстро, Кириллу не терпелось поскорее добраться до загадочного места. Чем дальше он шагал, тем всё более

убеждался, что без помощи Мрака ни за что бы его не нашёл, разве что действительно наткнулся случайно.

Лес как лес. Тёмный – несмотря на адаптированное зрение Кирилла и лунную ночь. Тут знай, под ноги гляди, чтобы не споткнуться, а не головой по сторонам крути.

А Мрак, в отличие от Кирилла, чувствовал себя в тёмном лесу, как рыба в воде. Неудивительно, для них с Серым лес – дом родной. В возрасте, когда сам Кирилл, вместе с Олегом и Дашей, под присмотром Любови Леонидовны складывал башни из кубиков, пацаны уже ходили за шишками и хворостом, у адаптов дети выросли рано. В тринадцать-четырнадцать лет подростки обоего пола трудились наравне со взрослыми и все тяготы взрослой жизни вкушали по полной. У Шамана, на юге, дети росли куда большими «детьми» – открытыми, доверчивыми, непосредственными. И Кирилл пока не мог решить, радует его этот факт или огорчает.

Скоро Мрак придержал Кирилла за рукав. Прошептал: – Рядом уже. Тут давай потихоньку, мало ли что.

Чтобы понять, на что ориентируется Мрак, нужно было быть Мраком. На взгляд Кирилла, вокруг не изменилось ровным счётом ничего – всё те же тёмные стволы да бурелом. Но он послушно замедлил шаг.

Прислушавшись, понял, что слышно теперь только его – Мрак ступал так тихо, что не встревожил бы самую пугливую птаху. Рэд с гордостью рассказывал, что в этом сын давно превзошёл и его, и Джека. А через минуту Мрак вовсе

остановился. Прошептал:

– Стой пока тут. Сперва я погляжу – это вон там, за ельником. Меня-то всяк не спалят.

После утвердительного кивка Кирилла скрылся в темноте. Кирилл, оставшись в одиночестве, вдруг подумал – а если бы то, что сейчас происходит, оказалось розыгрышем?..

Вспомнил, как в детстве Олег затащил его в один из дальних тоннелей Бункера, наобещав, что там водятся призраки, а потом громогласно ржал над доверчивостью. Кирилл догадывался, что адапты в детстве могли высмеивать друг друга и гораздо более жёстко – но так много времени их шутки ни в коем случае не отняли бы. Времени адаптам не хватало с самого детства, трату его таким бестолковым образом не оценили бы ни товарищи по играм, ни, тем более, взрослые. Поэтому ожидать розыгрыша не стоило даже от Серого – что уж говорить о Мраке, достойном сыне сурового отца.

Кирилл вздохнул. Вот, чёрт его знает. С одной стороны, до смерти хочется наконец-то узнать, что же творилось в Бункере. До зубовного скрежета надоели загадки. А с другой – он отчётливо понимал, что действия людей, которых когда-то считал безусловно, непререкаемо правыми, ему теперешнему не понравятся. И от этого на душе становилось мерзко.

Кирилл ждал развязки – и в то же время не хотел её. Если бы происходящее оказалось дурацким розыгрышем, он бы, пожалуй, обрадовался.

Мрак появился из-за деревьев так же внезапно, как исчез.

И ещё издала приложил палец к губам.

У Кирилла вдруг заколотилось сердце. Деловито, не показывая, что волнуется, одними губами спросить: «Что там?» стоило немалых усилий.

– Сидит кто-то, – подойдя, прошептал Мрак. – На поляне этой, за сеткой.

– Вадим?

– Наверное, я не разглядел. Он в комбезе, и капюшон затянут.

Ах, ну да. Скоро ведь рассвет.

– И что он делает?

– Да ничего. Просто сидит.

– Значит, всё-таки ждёт, – вырвалось у Кирилла.

– Чего – ждёт?

Кирилл покачал головой:

– Не «чего». «Кого»... Догадался, что рано или поздно придём... Вот что, Мрак. Мне кажется, таиться дальше смысла нет. Я пошёл, – и Кирилл быстро, чтобы не слушать возможные возражения, двинулся туда, откуда появился Мрак.

О маскировке он уже не заботился. Под ногами трещали сучья, хлюпала грязь. По сторонам качались раздвигаемые ветки.

Кирилл шёл напролом. И к металлической сетке, о которой рассказывал Мрак, едва не приложился лбом – очень уж неожиданно та преградила дорогу.

Пригляделся. Всё, как описал Мрак: вытоптанная поляна, бетонная коробка, возле неё – человек в защитном комбинезоне. Только сейчас человек не сидел. Он стоял в выжидающей позе, скрестив на груди руки. Кирилл, должно быть, заметил сразу, как только тот появился.

Негромко спросил:

– Я включу фонарь, не возражаешь? Мы – как ты, должно быть, помнишь, – не видим в темноте. Я себя исключительно по-идиотски чувствую.

Кирилл, услышав знакомый с детства, родной и любимый голос, подумал, что сердце у него из груди сейчас выпрыгнет. Глубоко вдохнул и выдохнул. И проговорил – спокойно, как мог:

– Не возражаю. Включайте. Доброй ночи, Григорий Алексеевич.

Глава 9. Серый

Гром грянул на исходе ночи, когда они провели в посёлке Шамана уже больше месяца. Ожидаемый, предчувствуемый, но всё равно оказавшийся неожиданным. С тех пор, как Серый, Джек и Эри оказались здесь, на посёлок вдруг обрушилось глобальное невезение.

Растения на грядках, едва пробившись, по непонятной причине засыхали – овощам завязаться будет не на чем.

Едва успели осмотреться и убедиться, что помочь всходам нельзя, перекопать грядки и засадить заново, как случился падёж скота. Почти два десятка голов, тоже ни с того ни с сего. Выкосило и коров, и коз, и овец – здоровые, ещё вчера прекрасно себя чувствовавшие животные просто заснули и не проснулись.

Серый и Джек сбились с ног. Пытались понять, что случилось, но не сумели. Никакой системы в гибели животных не прослеживалось. Они паслись на разных пастбищах, пили воду из разных поилок. Ничем накануне не болели – но в тот вечер просто не встали. Независимо от пола, возраста и видовой принадлежности.

Потом из-за странной поломки в инкубаторе погибло полсотни будущих цыплят... И всё это сопровождалось вспышками ярости – «психами», как называл Джек, – среди населения.

Всё чаще и чаще до Серого долетали горькие перешёптывания: от нас отвернулась Мать Доброты. При Шамане такого не было.

Люди не сходили с ума. Овощи не сохли на грядках. Падежа среди животных, как и поломок инкубатора, даже старожилы не могли вспомнить...

Голод. Нам грозит голод. От нас отвернулась Мать Доброты.

Когда Серый впервые понял, что все свои несчастья жители посёлка связывают с присутствием среди них чужаков, аж застыл от обалдения.

Орать захотелось — люди, вы чего?! Причем тут мы?!

Он помнил, как впервые почувствовал исходящую от жителей посёлка ненависть. Физически почувствовал, кожей. Взгляды, провожающие их — и то, как эти взгляды жгли спину.

Чужаков поселили в доме, где перед тем держали отца.

Джек самолично сбил с окон решётки, проследил за тем, чтобы в рамы вставили стёкла, а поверх навесил ставни. В одной комнате поселился вместе с Эри, другую занял Серый. К этому дому за ними и пришли.

Пошёл второй месяц с тех пор, как чужаки обосновались в посёлке. На них косились, но поначалу беззлобно. И оспаривать право Джека на власть никто не решался. А потом вдруг беспросветной чередой обрушились беды. Сегодня дружно сбросили цвет плодовые деревья.

Сад, ещё вчера окутанный бело-розовой дымкой, встретил хозяев голыми ветвями. И это, видимо, стало той последней каплей, которая переполняет чашу.

Серый, Джек и Эри ещё и поужинать не успели – приспособились готовить по очереди, сегодня на кухне дежурил Серый. В посёлках Цепи вегетарианские блюда не жаловали, и здесь, на юге, без привычной мясной пищи приходилось туго. Серый едва успел порубить в салат опостылевшую редиску, как в кухню влетел Джек. Скомандовал:

– На выход! Оружие к бою.

– Чего? – обалдел Серый.

– Бегом! – рявкнул Джек.

Серый знал, отец рассказывал, что у людей вроде Джека, с детства заточенных воевать, формируется такая вещь, как рефлекс. Отца и самого эти рефлексы стороной не обошли, тоже ведь по молодости хлебнул будь здоров. На месте Серого сразу бы вскочил и схватился за кобуру – даже если бы его без штанов застали, в этом Серый не сомневался. А в нём самом таким навыкам формироваться было незачем. Серый знал, как нужно действовать при команде «оружие к бою», но до сих пор никогда этого не делал. И реакция включилась не сразу. Судя по всему, намного позже, чем ожидал Джек.

Процедил сквозь зубы, глядя на то, как Серый напяливает на себя ремень с кобурой:

– Сорок раз – труп. За мной!

Серый метнулся за ним. Джек выскочил на крыльцо, об-

бежал дом и замер за углом. А Серый не побежал. То есть, сразу не побежал – замер на крыльце, увидев, от чего они бегут.

По улице двигалась толпа, вооружённая факелами – до рассвета оставался час, местные пока ещё могли перемещаться на открытом пространстве без ущерба для здоровья. Люди что-то кричали.

– Шаман! – разобрал Серый.

– Мать Доброты!

– Шаман!

Кто-то вдруг затянул восторженным, срывающимся голосом:

– *Радость, радость, непрестанно,*

Будем радостны всегда!

Толпа подхватила.

– *Луч отрады, небом данный,*

Не погаснет никогда!

– Сюда! – рявкнул Джек. – Чего застыл?!

Серый прыгнул с крыльца. Вслед за Джеком метнулся за угол дома. Увидел, что к стене жмётся побледневшая Эри – её Джек первым делом заставил выскочить. Обалдело пробормотал:

– Чего они?

– Поджигать нас идут, – буднично объяснил Джек. – Это ж мы виноваты, что с деревьев цвет опал, – выдернул из кобуры пистолет, снял с предохранителя.

С этим пистолетом, отобранным у самого Джека, когда они с Кириллом оказались в плену, их догнала на дороге Ангелина. Первое, что потребовал Джек, придя в себя после ранения, вернуть ему оружие. С тех пор с ним не расставался.

Приказал Серому:

– На ту сторону дома, бегом. Без команды не стрелять. По команде – стреляешь без предупредительных. Выбиваешь сперва ближних, дальше по обстановке.

Серый сглотнул. Выговорить «Есть» не поворачивался язык.

– Слыхал? – жестко спросил Джек.

Серый через силу кивнул.

– Повтори.

– Стрелять по ближним, – сумел выговорить Серый. – Дальше – по обстановке.

Джек кивнул. Взял Серого за плечо, заглянул в глаза.

– Пацан. Тут вишь, какая хрень. Если не мы их – они нас.

– *Радость нас ведёт за руки*, – гремело с улицы, неотвратимо приближаясь.

Помогает нам в борьбе!

Нас хранит от бед и муки,

Нашей внемлет Мать мольбе!

Факельное шествие подходило всё ближе.

– Спят и не задумаются, – жёстко сказал Джек. – Для того и идут. За угол. Бегом!

– Есть, – отмер Серый.

И метнулся за угол. Слился, как учили, со стеной, сжал в руке пистолет.

«Стрелять по ближним». Зачем – понятно, чтобы падали под ноги тем, кто стоит позади них, и мешали идти дальше. Но по кому – по ближним?! Они же толпой идут. А если там женщины – и они ближе, чем мужчины? А если с ними ещё и дети увязались?!

Отец не отдал бы такой приказ никогда.

Или отдал бы?.. Чёрт его знает, в этом вывернутом наизнанку мире всё смешалось, Серый уже ничего не понимал.

– *Радость, радость непрерывно,*

Будем радостны всегда!

Шествие приближалось, Серый уже мог разглядеть в толпе отдельные лица.

Николай – с ним он сегодня работал на пасеке, помогал чинить ульи.

Матвей – у этого дочка, Гликерия, самая старшая из детей посёлка.

Антон – этот вообще безобиднее комара, ростом с пацана десятилетнего, соплём перешибёшь. И тоже факелом машет.

Их троица стала олицетворением зла. Куда делись люди, выражавшие чужакам хоть какую-то симпатию – Мария, Виссарион, Георгий – непонятно. В толпе их видно не было. Возможно, заперли где-то, чтобы не мешались.

Джек прав.

Серый вдруг осознал это чётко и ясно. Толпа шла не раз-

говаривать с чужаками. Она шла убивать. В открытую, размахивая факелами.

«То есть, они даже не сомневаются, что мы никуда не денемся? – мелькнуло в голове. Даже не предполагают, что будем сопротивляться? Или, наоборот, рассчитывают, что с перепугу дёрнем подальше? Или... Или они вообще ни на что не рассчитывают?! Критическое мышление попросту отказало? Сбившись в толпу, люди почувствовали свою силу, и...» Додумать Серому не дали.

– Жги! – заорал вдруг кто-то, оборвав песню.

Серый не разобрал, кто.

Факелы, до сих пор горящие над головами, пришли в движение.

– Запирай двери! Жги чужаков!

Толпа неожиданно слаженно, как будто люди не раз репетировали это действие, разделилась надвое. Кто-то бросился к крыльцу – запирает двери. Дом собирались поджигать с двух сторон.

Думают, что мы так и сидим внутри, – понял Серый. – То есть, совсем, за идиотов держат! У самих с перепугу крыши посрывало, и нас записали в такие же дебилы.

«Без команды – не стрелять», – вспомнил он. Но пистолет с предохранителя снял. И понял, что команды ждёт – ненависть, охватившая толпу, передалась и ему.

– Вы что?!

«Дура!» – обожгло Серого.

Джек, должно быть, тоже не ожидал от дочери такой прыти, иначе не допустил бы того, что случилось.

Из-за противоположной, скрытой от Серого, стены дома навстречу толпе выскочила Эри.

Лохматая, как всегда – лента, подвязывающая волосы, сбилась набок. Одета в тесную майку, подобранную в каком-то из недограбленных домов ещё в походе, и такие же тесные штаны. Раньше одежда подходила Эри по размеру, а в последнее время жала. Талия осталась тонкой – двумя ладонями обхватишь, а сверху и снизу бункерная прибавила. Раньше Серый на это не обращал внимания, а сейчас вдруг заметил, что одежда девчонке тесна.

– Что вы делаете?! Вы с ума сошли?!

Факелы, оказавшиеся по сторонам от Эри, взметнулись вверх.

– Зло! – взвизгнул кто-то. – Бей чужаков!

Эри ударили – наотмашь, факелом, Серому показалось, что услышал треск вспыхнувших волос. Девчонка еле устояла на ногах. Ахнула и схватилась за щёку.

Выстрелил Серый раньше, чем почувствовал запах гари – по тому человеку, который бил. Но не успел, выстрел слева грянул раньше. Человек, ударивший Эри, упал замертво. Тот, кто стоял рядом с ним, схватился за раненный бок – Серый промахнулся.

– Стоять! – рявкнул Джек. Он выскочил навстречу толпе. В руке держал пистолет. Снова выстрелил по ближайшему

к Эри человеку, уложив его наповал.

Схватил Эри за шиворот, отшвырнул обратно к дому – в этот раз девчонка на ногах не устояла, покатилась кубарем. А Джек сунул пистолет в кобуру, вырвал из рук у кого-то факел и принялся наносить стремительные удары.

В следующее мгновение Серый тоже осознал себя ломавшимся в озверелую толпу. Так же, как Джек, сунул пистолет в кобуру и выхватил из чьих-то рук факел.

«В оружие можно обратить что угодно, – вспомнил вдруг спокойные, будто льющиеся со страниц учебника, слова Сталкера. Обычная палка – в хороших руках охеренное оружие».

А уж если эта самая палка ещё и горит... Серый замахнулся факелом. Ударил. Ещё, ещё!

Лупил, целясь по головам, уходил от бестолковых ударов сам. В конце концов сумел занять оборонительную позицию – размахивая факелом, не позволял приближаться к себе. Джека не видел, но знал, что он рядом. По приближающимся воплям и звукам ударов понял, что Джек пытается теснить толпу. Тоже попробовал перейти в наступление.

Горящей головнёй обожгло плечо. Потом спину. Потом Серому едва удалось уберечь глаза.

Толпа, явившаяся к их дому, не умела воевать. Но, надо отдать людям должное – учились они быстро. Сообразили, что их сила – в численном преимуществе. И что, проигрывая чужакам в умении, числом их рано или поздно задавят.

– Пошли нахер! – рявкнул Джек. – Стрелять буду!

– Да стреляй! – зло, бесшабашно выкрикнул кто-то. – Всех не перестреляешь!

Серый знал, что Джек слов на ветер не бросает. Продолжая отбиваться – это получалось всё хуже и хуже, – напряжённо ждал выстрелов.

Когда всё вдруг закончилось.

Люди, секунду назад бывшие их врагами – дурная, озверевшая толпа – вдруг дружно опустили факелы.

– Домой, – услышал из-за спины злой, свистящий шёпот Серый.

Не удержавшись, оглянулся.

Эри поднялась на ноги и шла навстречу толпе. Медленно, будто каждым шагом проталкиваясь сквозь невидимое препятствие. Руки девчонка стиснула в кулаки. Она смотрела на людей из-под спутанных, опалённых волос так, что Серому самому вдруг до смерти захотелось оказаться дома.

– Пошли вон отсюда!

Люди попятились. Эри шла на них. На щеке у неё полыхало пятно от ожога.

– Вам захотелось спать. Вам ничего больше не нужно. Вы идёте домой!

Люди заозирались. На факелы в руках у себя и соседей смотрели с недоумением. Кажется, они не понимали, что здесь делают.

Кто-то вдруг громко зевнул. Кто-то потянулся.

Раненный, будто спохватившись, взвыл:

– Больно! – зажал кровоточащую рану и, кривясь на один бок, бросился прочь.

Другие люди тоже начали уходить. По одному, по двое, по трое – пока снова не слились в толпу.

Джек подскочил к Эри, схватил за плечо. Девчонка остановилась. Смотрела на уходящих до тех пор, пока последний огонёк факела не пропал в темноте.

– Домой, – дрогнувшим голосом повторила она.

И разрыдалась.

Обратно Джек её вёл, сама идти Эри не могла. Ноги подгибались, девчонка то и дело останавливалась и заходила в плаче.

– Ну всё, всё. – Джек, обняв её, заставил подняться по ступенькам.

– А с... мёртвыми что делать? – спросил Серый.

Убитые люди так и остались лежать на земле. Джек небрежно оглянулся.

– Сволоки в сторонку, чтоб посреди дороги не валялись. Очухаются – приберут.

Серый оттащил мертвецов к палисаднику. На посыпанной гравием дорожке, ведущей к дому, остались кровавые следы.

Серый, подумав, черпнул ведром воды из бочки, плеснул на гравий. Следы размыло. Серый вернулся в дом.

Эри уже сидела на кровати. Джек, присев рядом, обрабатывал её ожог. Бросил Серому:

– В окно поглядывай.

– Думаешь, вернутся? – нахмурился Серый.

– На вторую серию – вряд ли. А за трупками должны, когда оклемаются.

Серый кивнул. Присел к окну, стащил с себя прожжённую майку. Осмотрел.

– На тряпки, – едва взглянув, бросил Джек.

Серый снова кивнул, соглашаясь. Подумал, почему-то со злостью, что майка у него осталась единственная. Посмотрел на Джека, оценивая урон, нанесённый его одежде.

– Твою тоже – на тряпки. Скоро в местное барахло рядиться придётся.

– Ну, я-то привычный, – усмехнулся Джек. – Хотя есть шанс, что до барахла не дойдёт. Прибьют раньше, чем понадобится.

– Почему они на нас напали? – проговорила вдруг Эри. Голос у неё дрожал. – Они ведь правда хотели нас убить!

– Правда хотели, – холодно отозвался Джек. – На хрена ты к ним полезла?

– Я думала...

– Ещё раз подумай – думалку отшибу. Твоё дело – стоять, где велели! Я кому сказал, не лезть?

– Я думала, что они меня послушают, – упрямо глядя на Джека, повторила Эри.

– Индюк тоже думал, что купается – пока вода не закипела. Ты ведь знала, что они идут убивать! И не ври, что нет.

Не хуже меня слышала.

Эри опустила голову.

– Но они же люди! Я верила, что...

– Зря, – отрезал Джек. – Верить надо своим. Мне, ему, – кивнул на Серого. – А врагам верить нельзя. Если жить хочешь.

Эри угрюмо молчала.

– Идут, – бросил Серый.

Джек резко обернулся:

– Кто?

– Мария. – Серый увидел в окно, что женщина почти бежит по улице.

Добежала до дорожки, поворачивающей к их дому, направилась было к крыльцу. И застыла, побледнев и прижав руки к груди – увидела трупы.

Справилась с собой, подошла к мертвецам. Опустилась на колени.

Что-то пробормотала, провела ладонью по лицам покойников – должно быть, закрыла им глаза. Подняла лицо к небу, прижала ладонь ко лбу.

Серый почему-то решил, что, помолившись, Мария уйдёт за подмогой, унести мертвецов. И женщина действительно, поднявшись на ноги, ненадолго замерла. Оглянулась на пустую улицу. А потом вдруг решительно направилась к крыльцу.

Джек распахнул дверь раньше, чем Мария постучала, Се-

рый услышал, как женщина охнула от неожиданности.

– Дверью ошиблась? – с нехорошей ласковостью спросил Джек. – Бывает. Шагай дальше, куда шла.

– Я шла к вам, – негромко, но твёрдо проговорила Мария. – Ты позволишь войти?

Джек, помедлив, посторонился.

Мария вошла в комнату. Посмотрела туда, где в приличных домах висел портрет Матери Доброты, привычно подняла руку. Вспомнила, что в доме чужаков портрета нет, и отвела глаза. Руку неловко опустила.

Посмотрела на Эри. Волосы, чтобы не лезли на обработанный мазью ожог, девчонка заплела в косу, но короткие сожжённые пряди убираться не желали. Эри закручивала их в жгуты, пытаясь спрятать.

– Я принесла вам снадобье от ожогов. – Мария поставила на стол глиняную плошку с плотно притёртой крышкой.

Посмотрела на Серого – он так и сидел без майки, до ожогов пока не успел добраться. Джек присел рядом с ним. Холодно, непохоже на себя спросил:

– Зачем?

– Что? – удивилась Мария.

– Зачем ты принесла снадобье тем, кто испоганил ваш урожай? Кто устроил падёж скота? Кто только что застрелил двоих ваших людей и ранил третьего?

– Я не верю в то, что Мать Доброты нас наказывает. – Мария говорила всё так же твёрдо, и Серый вдруг подумал, что

произносит эти слова не в первый раз. – Я думаю, что она испытывает нас. Проверяет крепость наших чувств и нашей веры. Озлобляться – недопустимо. Желать вам смерти лишь потому, что при Шамане деревья не сбрасывали цвет, а скот недох – глупо и недостойно. Вы не желаете нам зла. Вы трудитесь бок о бок с нами...

– Плоды трудов видела? – Джек мотнул головой в сторону улицы. – Полюбуйся, если нет, под кустом лежат.

Мария покачала головой:

– Зачем ты стараешься казаться злодеем? Ты ведь не плохой человек. Я это знаю. И знаю, что ты защищал дочь, иначе не стал бы стрелять.

– Да он всегда так, – сердито глядя на Джека, вдруг сказала Эри, – не слушайте его!

Джек молча показал ей кулак. А Мария вздохнула. Подошла к Эри, вытащила из причёски, спрятанной под косыночкой, заколку:

– Вот, возьми. Подбери волосы.

– Спасибо. – Эри благодарно кивнула.

– Вы обработаете ожоги самостоятельно? Мне нужно идти, помочь матери Серафиме в лечебнице. – Мария посмотрела на Серого, на Джека.

– Да уж как-нибудь, – буркнул Джек.

– Храни вас Мать Доброты. За Михаилом и Денисом скоро придут.

Серый не сразу понял, что Мария имеет в виду метвецов.

Женщина кивнула, прощаясь, и быстро вышла за дверь.

– Вот видишь, – с упрёком глядя на Джека, сказала Эри.

– Вижу, – буркнул тот. – По одиночке они все – такие лапушки, что хоть женись.

– Это называется «эффект толпы», – подал голос Серый, – отец рассказывал. Когда под влиянием других людей человек совершает действия, которые в одиночку никогда бы не совершил. Например, тот же Николай или Матвей – я не верю, что кто-то из них пришёл бы сюда с факелом. Если бы был один.

– А мне вот другое интересно. – Джек повернулся к Эри. – Прочухают они, что не просто так спать захотели?

Эри пожала плечами. Серый покачал головой:

– Не прочухают. Ты-то после боя с Шаманом в отключке лежал, а я помню, какие они были. Вообще не отдупляли, что произошло. Ни как Ангелина их петъ заставила, ни как ты с ней и с Шаманом дрался. По дороге шли – вроде, уже в себе, но ни хрена не помнили. По разговорам понятно было.

– О-о как, – задумчиво протянул Джек. – То есть, выходит, нашлась на них управа? – он посмотрел на Эри.

Та ответила непонимающим взглядом:

– О чём ты?

– Хочешь, чтобы она... – сообразил Серый.

– Я не буду больше на них воздействовать! – Эри тоже догадалась. Аж отпрянула. – Это... это подло!

– Подло – людей заживо поджигать.

Но продолжать разговор Джек не стал. Придвинул к себе глиняную плошку, оставленную Марией, снял крышку. Скривился, понюхав содержимое. И позвал:

– Серый, иди сюда. Поглядим, как доброта от ожогов помогает.

Глава 10. Серый

Вечером, едва успели сесть завтракать, Джек обронил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.